
Мария Авенская
18+
Вернуть дракона.
Цена запретной любви

Мария Авенская

Вернуть дракона. Цена запретной любви

«Автор»
2026

Авенская М.

Вернуть дракона. Цена запретной любви / М. Авенская — «Автор», 2026

— Прекрати возвращаться сюда, Иврея.— Нет.— Ты не понимаешь, что делаешь.— Тогда объясни!Он касается моего лица. Так осторожно, словно боится, что я рассыплюсь от одного прикосновения.— Однажды ты вернёшь меня, — шепчет он. — Но я уже не буду тем, кого ты любила.А если единственный способ вернуть любимого — потерять саму себя?

© Авенская М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 13
Глава 3 23
Глава 4 35
Глава 5 51
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Вернуть дракона. Цена запретной любви

Глава 1

На третью ночь краска наконец начала слушаться.

Я провела кистью по холсту, стараясь не задеть уже написанные знаки, и замерла, наблюдая, как тонкая золотистая линия медленно расползается по ткани. Сначала она напоминала трещинку на старом фарфоре, затем разделилась на множество крошечных чешуек, каждая из которых мерцала собственным светом.

Драконья чешуя.

Я придвинула свечу ближе, прищурилась и выругалась.

— Ну конечно. Две ночи я пытаюсь написать твоё имя, а ты решил изображать из себя ящерицу.

Краска тихонько зашипела.

Я посмотрела на неё с подозрением.

— Только не надо делать вид, что тебе не понравилось. При жизни ты и не такое терпел.

В комнате пахло горелым мёдом, растопленным воском и лавандой. От долгого сидения затекла спина, а пальцы почти перестали чувствовать тонкую ручку кисти. За окном давно погасли огни соседних домов. Даже пекарь напротив, который обычно вставал задолго до рассвета, ещё не затопил печь.

Нормальные люди спали.

Я же третью ночь пыталась вернуть с того света мужчину, который при жизни умудрялся выводить меня из себя с завидным постоянством.

И, судя по всему, даже после смерти не собирался облегчать мне задачу.

— Саэрд Вейрх, если ты меня слышишь, знай: когда вернёшься, я тебя прибью.

Последнее слово далось неожиданно тяжело, я опустила кисть.

В комнате стало так тихо, что я услышала, как на подоконнике шуршит сухой лист, застрявший между рамами. Когда вернёшься.

Я говорила это каждый день.

Сначала уверенно, почти сердито. Потом всё чаще ловила себя на том, что произношу эти слова лишь затем, чтобы не сказать другие.

Если вернёшься.

Или ещё хуже.

Если вообще есть куда возвращаться.

Я отвернулась от холста и потёрла лицо ладонями. Сорок семь проклятых дней я просыпалась в пустой постели.

Первые три утра ещё не понимала, что происходит. По привычке тянулась рукой на другую половину кровати, чтобы толкнуть Саэрда в бок и потребовать перестать занимать всё одеяло.

Потом вспоминала. И каждое утро приходилось вспоминать заново.

Он умер.

Мой мужчина умер.

Не уехал по делам, не задержался на охоте, не отправился спасать очередной пограничный гарнизон, который без драконьей помощи непременно умудрился бы устроить какую-нибудь катастрофу.

Умер.

Я ненавидела это слово.

Оно было слишком коротким для того, что случилось.

Слишком обыкновенным.

Люди произносили его с такой лёгкостью, будто речь шла о сломанном колесе или заболевшей лошади.

«Ваш Саэрд погиб, госпожа Нэрвис».

И всё.

А мне что теперь делать?

Куда девать его сапоги, которые до сих пор стояли возле входной двери?

Кому жаловаться, что в городе снова подняли цены на сахар?

Кто будет ворчать, когда я усну с книгой на груди и прожгу одеяло упавшей свечой?

Меня раздражало даже то, что он больше не мог меня раздражать.

Я резко поднялась со стула.

— Нет уж. Не дождёшься.

Прошла к окну и распахнула ставню.

В лицо ударил холодный ночной воздух. Где-то за крышами домов перекликались сторожевые колокольчики. По мостовой проехала поздняя повозка, колёса глухо застучали по камням.

Город продолжал жить.

Это обстоятельство особенно бесило меня в первые дни.

Я искренне не понимала, как люди могли покупать хлеб, смеяться, ругаться с торговцами, целоваться под навесами лавок, когда Саэрда больше не было.

Женщина напротив вывешивала бельё.

Пекарь ругался с помощником.

Соседский мальчишка несколько раз разбил мячом окно старой госпожи Эльвир.

Всё осталось прежним.

Только мой дом почему-то сделался огромным, хотя в нём по-прежнему было всего четыре комнаты.

Я захлопнула ставню.

На столе лежала его записка.

Я знала её наизусть, но всё равно взяла в руки.

«Ушёл к восточному перевалу. Вернусь до темноты. Не трогай вино из нижнего шкафа, оно ещё не готово. И прекрати кормить моего дракона сушёной рыбой. От неё у него несварение».

Я провела пальцем по последней строчке.

Саэрд называл себя «моим драконом», когда хотел меня подразнить.

Особенно после того случая, когда я решила, что драконам непременно должна нравиться сушёная рыба, и притащила с рынка целую корзину.

Он съел всё.

Из принципа.

Потом два дня жаловался на мой отвратительный вкус и требовал нормального мяса.

Я тогда смеялась так сильно, что у меня заболел живот.

Теперь от воспоминания защипало глаза.

— Ты обещал вернуться до темноты, — сказала я записке.

Бумага, разумеется, промолчала.

— Я ведь ждала тебя, болван. Даже после нашей ссоры.

Я опустилась на край стула.

Последний разговор снова всплыл в памяти с той отвратительной ясностью, которую невозможно прогнать.

Саэрд стоял у двери, застёгивая плащ.

Я была зла.

По-настоящему зла.

За день до этого выяснилось, что он уже несколько недель тайком посещает восточный перевал. И не просто посещает, а занимается какой-то опасной магией, о которой мне не желает рассказывать.

Я узнала случайно, увидела на его плече след ожога, которого раньше не было, и начала расспрашивать.

Он сначала отшучивался, потом попросил меня не вмешиваться, а когда я пригрозила самостоятельно отправиться к перевалу, впервые за долгое время повысил на меня голос.

«Ты даже не представляешь, во что собираешься ввязаться».

«Так объясни. Я ведь не посторонняя женщина, с которой ты иногда делишь постель».

Он тогда болезненно поморщился. А я, вместо того чтобы остановиться, добавила:

«Хотя, судя по тому, сколько ты мне рассказываешь, возможно, именно так ты меня и воспринимаешь».

Саэрд подошёл ближе.

Помню, как устало он выглядел, под глазами залегли тени. На виске блестела капелька пота, хотя в доме было прохладно.

«Иврея, я люблю тебя. Но есть вещи, которые не становятся безопаснее оттого, что ты о них знаешь».

«А есть мужчины, которые принимают решения за двоих и называют это заботой».

Мы спорили ещё долго, он пытался убедить меня, что всё держит под контролем.

Я требовала правды. В конце концов Саэрд сказал, что должен уйти.

И я ответила:

«Тогда убирайся. Только не рассчитывай, что я буду ждать у окна, пока ты закончишь спасать весь проклятый мир».

Он задержался на пороге, посмотрел на меня, мне до сих пор казалось, что в ту минуту он хотел вернуться.

Снять плащ, обнять меня и рассказать наконец, что происходит, но я была слишком гордой, чтобы первой сделать шаг и просто отвернулась.

Через четыре дня мне принесли его обгоревший браслет.

Я сжала записку.

— Ненавижу тебя, — прошептала я.

Слёзы покатились по щекам прежде, чем я успела их остановить.

Я сердито вытерла лицо рукавом.

— И себя ненавижу. Доволен?

Конечно, он не был доволен. Если бы Саэрд увидел меня сейчас, первым делом заставил бы поесть, потом отправил спать, а уже после начал бы выяснять, почему я плачу.

Он всегда плохо переносил мои слёзы, особенно если сам был их причиной, в такие минуты становился ужасно неловким, мог обнять меня, погладить по волосам, принести воды, предложить исправить всё, что только можно исправить.

Однажды, когда мы серьёзно поссорились, он притащил домой корзину сладких груш.

Целую корзину.

Я терпеть не могла груши и он об этом прекрасно знал.

— Зачем? — спросила я тогда.

— Ты любишь сладкое.

— Я люблю вишню.

— Груши тоже сладкие.

— Саэрд.

— Ладно, я запаниковал.

И признался, что увидел их на рынке, вспомнил, как сильно я люблю десерты, и решил, что корзина фруктов поможет нам помириться.

Я смеялась. Он целовал меня, пока я не перестала сердиться.

Груши мы потом раздали соседям.

Я снова посмотрела на холст, золотистые чешуйки продолжали медленно появляться на его поверхности, краска не высыхала, ни одна линия.

За три ночи она ни разу не стала матовой, не потрескалась и не потускнела, словно написанное существовало вне обычного времени.

Я осторожно поставила записку рядом со свечой и вернулась к работе.

Холст Оставшегося Следа достался мне от старого Варшэна, слепого хранителя погребальной мастерской, тот жил на окраине города, за старым кладбищенским садом, где деревья даже осенью сохраняли серебристую листву.

Я нашла его случайно.

Вернее, случайно услышала разговор двух ведьм на рынке.

Одна рассказывала другой, будто Варшэн хранит вещи, способные удерживать воспоминания настолько крепко, что даже смерть не может их стереть.

Я пришла к нему тем же вечером, он встретил меня без особого удивления.

— Кого потеряла? — спросил вместо приветствия.

— Мужчину.

— Любимого?

— Нет, случайного прохожего. Очень хочется вернуть ему зонтик.

Варшэн усмехнулся.

— Значит, любимого.

Я тогда едва не развернулась. Не выносила, когда незнакомые люди пытались разговаривать со мной сочувственным голосом.

Но старик не жалел меня.

Он долго водил пальцами по деревянным полкам, пока не достал свёрток, перевязанный серебряной лентой.

Внутри оказался холст. Небольшой, плотный, с почти незаметным жемчужным сиянием.

— Соткан из нитей, которыми когда-то зашивали разрывы между мирами, — объяснил Варшэн. — На нём можно написать дорогу к тому, кто ушёл.

— Дорогу куда?

— Туда, где ещё сохранился его след.

Я провела ладонью по ткани, она была тёплой, совершенно неожиданно мне захотелось заплакать.

— И он сможет вернуться?

Старик помолчал.

— Иногда написанного имени достаточно, чтобы тот, кто потерял дорогу, нашёл её снова.

— А если он дракон?

Варшэн перестал улыбаться, он долго сидел неподвижно.

Потом спросил:

— Из какого рода?

— Беззакатных.

В мастерской стало очень тихо, старик медленно выдохнул.

— Тогда, девочка, одного имени может оказаться мало.

— Сколько нужно?

Он повернулся ко мне незрячими глазами.

— Всё, что ты о нём помнишь.

Я решила, что он выражается образно, теперь уже не была в этом уверена.

К холсту прилагались семь маленьких флаконов с краской, кисть из серебристых нитей и тонкая книжечка с описанием ритуала.

Краска называлась Краской Недожитых Дней.

Согласно записям Варшэна, её создавали из несбывшихся рассветов, забытых обещаний и воспоминаний о счастье, которого больше не случится.

Когда я впервые открыла флакон, оттуда пахнуло горелым мёдом.

Саэрд ненавидел этот запах.

Когда-то я пыталась приготовить медовые орешки, отвлеклась на книгу и совершенно забыла о сковороде.

Он пришёл с тренировки, обнаружил задымлённую кухню и почти час ворчал, что ведьм нельзя оставлять одних рядом с открытым огнём.

Потом всё равно съел обгоревшие орешки. Сказал, что не хочет расстраивать меня и всю ночь мучился от изжоги.

Я улыбнулась воспоминанию, потом заметила, что по щеке снова течёт слеза.

— Господи, Саэрд, — пробормотала я. — Ты даже умереть нормально не мог. Обязательно надо было устроить мне такое несчастье.

Я взяла кисть, на холсте оставалась последняя строка заклинания.

Круг возвращения.

Двенадцать серебряных знаков, которые должны были соединить написанное имя с дорогой через Межелесье.

Согласно книжечке, заклинание следовало произносить не вслух, его необходимо было вспомнить, каждое слово должно было сопровождаться одним подлинным воспоминанием о том, кого пытаешься вернуть.

Не самым красивым или счастливым.

Настоящим. Я закрыла глаза.

Вспомнила Саэрда на нашей кухне, как он стоял босиком возле печи, сонный, растрёпанный, с плохо застёгнутой рубашкой, пытался налить себе чай и промахнулся мимо чашки, как сердился, если я называла его стариком и поднимал меня на руки, когда хотел помириться, а еще совершенно не обращал внимания на мои возмущения.

Как ночью притягивал к себе, даже не просыпаясь и целовал моё плечо перед тем, как уснуть.

Я обмакнула кисть в краску, первая линия легла на холст.

Вторая.

Третья.

Золотистые чешуйки медленно разошлись, уступая место тонким серебряным буквам.

Я продолжала. Перед глазами всплывали наши дни.

Первый поцелуй, совместная зима, его нелепая ревность к молодому лекарю, который однажды слишком долго расспрашивал меня о ведьмовских травах.

Мой смех.

Его недовольное ворчание.

Ночь, когда Саэрд впервые признался, что хочет прожить со мной столько лет, сколько отпущено моему короткому человеческому существованию.

«А потом?» — спросила я.

«А потом подумаем».

«Очень утешительно».

«Иврея, я дракон. Мы вообще плохо умеем планировать жизнь на срок меньше века».

Я тогда ударила его подушкой, он рассмеялся, поймал меня за талию и опрокинул обратно на постель.

Вспоминать оказалось невыносимо, каждая счастливая мелочь причиняла новую боль. Я стиснула кисть.

— Давай же, — прошептала я. — Пожалуйста.

Десятый знак вспыхнул. Одиннадцатый. На двенадцатом краска вдруг стала тёплой.

Я услышала тихий звук, будто кто-то провёл ладонью по обратной стороне холста.

Кисть остановилась, в комнате стало удивительно тепло, свечи горели ровно, хотя из приоткрытого окна тянуло прохладой.

И тогда я почувствовала дыхание, совсем близко, у самого затылка. Тёплое, знакомое.

Я резко обернулась.

— Саэрд?!

Никого, позади стоял пустой стул. На спинке висел его старый домашний плащ, который я так и не смогла убрать в шкаф.

Занавеска едва заметно колыхалась, я посмотрела на дверь.

Она была закрыта.

— Саэрд? — повторила я тише.

Ответа не последовало. Я уже собиралась снова повернуться к холсту, когда по комнате разнёсся мягкий, едва различимый стук.

Словно ладонь коснулась натянутой ткани. Я обернулась.

Посреди нарисованной чешуи медленно проступал отпечаток мужской руки, сначала обозначились кончики пальцев, потом широкая ладонь.

Тонкие серебристые линии повторяли её очертания, постепенно наливаясь тёплым золотым светом.

Я не двигалась, боялась даже моргнуть, на ладони был знакомый шрам. Тот самый, который Саэрд получил много лет назад, когда, по его первоначальной версии, сражался с северным владыкой.

Позже выяснилось, что он всего лишь неудачно схватился за край горячего котла.

Я знала этот шрам, целовала его, проводила по нему пальцами, когда Саэрд держал меня за руку, я медленно подошла к холсту.

— Это ты?

Отпечаток стал ярче, я протянула ладонь, коснулась ткани и почувствовала ответное прикосновение.

Слабое давление с другой стороны, будто кто-то осторожно приложил руку к моей.

Я всхлипнула.

— Саэрд…

Отпечаток оставался неподвижным, я прижалась к нему сильнее.

— Милый, пожалуйста. Если ты меня слышишь, не уходи. Только не сейчас.

Голос дрожал, я ненавидела себя за это, но остановиться не могла.

— Я так долго тебя искала. Ты даже не представляешь, сколько раз мне говорили, что ничего не получится. Я прочитала все мамины книги. Обошла половину города. Даже к Варшэну сходила, представляешь? К этому невыносимому старику, который берёт деньги буквально за каждый вздох.

Я нервно рассмеялась.

— Ты бы сказал, что я опять позволила себя обмануть.

Тишина, золотой отпечаток едва заметно дрогнул.

— Но я не позволила, — прошептала я. — Ведь это ты. Я знаю.

Я прижалась лбом к раме.

— Почему ты оставил меня?

Этот вопрос вырвался сам, слишком тихий, почти детский.

Я стояла посреди комнаты, прижимая ладонь к холсту, и впервые за много дней перестала изображать женщину, которая прекрасно справляется. Я не справлялась. Совершенно.

Мне хотелось, чтобы он вернулся и просто сел рядом, чтобы мы снова ругались из-за немытой посуды, а он смеялся над моими неудачными заклинаниями и вечером я могла положить голову ему на грудь, слушать два сердца, бьющихся под тёплой кожей.

Я даже готова была простить его дурацкую привычку оставлять мокрое полотенце на кровати.

Почти готова.

— Я ведь люблю тебя, — прошептала я. — А ты взял и ушёл.

Краска начала медленно тускнеть, я испуганно подняла голову.

— Нет, подожди!

Отпечаток оставался на ткани, но золотой свет уходил в глубину холста, я провела пальцами по знакомому шраму.

— Вернись ко мне. Пожалуйста.

Ещё несколько мгновений я чувствовала тепло, потом оно исчезло, холст стал прохладным.

Я осталась стоять перед ним с поднятой рукой, слёзы падали на ворот платья. За окном занимался рассвет, я медленно опустилась на пол возле мольберта, сил подняться уже не было, но впервые за сорок семь дней я знала наверняка: Саэрд услышал меня.

И где-то за той границей, которую все считали непреодолимой, он всё ещё существовал.

Я уснула ближе к утру. Не помню, как добралась до спальни. Наверное, просто доползла до кровати, потому что проснулась потом прямо в платье, с распущенными волосами и одной туфлей на ноге.

Но сначала был сон. Или не сон. Я до сих пор не знаю, как правильно назвать то место, куда попала.

Сначала мне показалось, что я лежу на траве, мягкие стебли щекотали щёку, пахло чем-то свежим, незнакомым, похожим одновременно на летний дождь и цветущий сад.

Я открыла глаза. Надо мной раскинулось странное небо. С одной стороны оно было золотисто-розовым, как на закате. С другой светлело нежной голубизной наступающего утра, между этими двумя половинами не проходило никакой границы, цвета плавно переходили друг в друга. Я села.

Вокруг простиралось огромное поле. Высокая серебристая трава медленно колыхалась, хотя ветра не было. Её тонкие листья поблёскивали, словно на них осела утренняя роса.

А над травой плыли розовые лепестки. Тёмно-красные, бархатистые. Сотни, тысячи.

Они двигались неторопливо, будто кто-то рассыпал их с неба, а время здесь решило не позволять им падать. Один лепесток проплыл возле моего лица, я протянула руку, он коснулся пальцев и медленно поплыл дальше.

Я поднялась. На мне было тёмно-зелёное платье с тонкой вышивкой у ворота.

Любимое платье Саэрда, он подарил его мне на вторую годовщину нашего знакомства. Тогда я страшно возмущалась, что он потратил на какую-то тряпку столько денег. Саэрд ответил, что это очень красивая тряпка и он вообще-то рассчитывал увидеть меня в ней хотя бы один вечер.

Потом добавил, что без платья я ему тоже очень нравлюсь. Я швырнула в него подушкой.

Он поймал. И вечер закончился совсем не так, как мы планировали.

Я улыбнулась воспоминанию. А потом услышала его голос.

— Иврея.

Глава 2

Улыбка исчезла, я повернула голову, на краю невысокого холма стоял мужчина.

Высокий. Широкоплечий. В тёмной рубашке с закатанными рукавами. Волосы медного оттенка слегка растрепались, будто он только что поднялся с постели.

Я узнала его сразу. Конечно, узнала.

Даже если бы он стоял ко мне спиной и если бы между нами было огромное расстояние.

Я узнала бы его по тому, как он держит плечи, чуть наклоняет голову, когда пытается что-то рассмотреть, как переносит вес с одной ноги на другую.

— Саэрд?

Он не ответил, стоял неподвижно, смотрел на меня.

И я побежала. Трава путалась под ногами, платье цеплялось за высокие стебли, лепестки роз касались лица и волос.

Я не замечала ничего, только его. Он сделал несколько шагов навстречу, я почти налетела на него. Обхватила за шею так крепко, что Саэрд вынужден был обнять меня за талию, чтобы мы оба не упали.

— Ты! — выдохнула я. — Ты… Господи, Саэрд!

Он прижал меня к себе, сначала осторожно, потом крепче, я уткнулась лицом в его грудь, под щекой чувствовалась тёплая ткань рубашки, настоящая, я провела ладонями по его спине, плечам, шее, пальцы коснулись волос, кожи, знакомого шрама над бровью.

Он был здесь. Мой Саэрд. Он пах дымом и горькими травами. Его дыхание касалось моих волос.

Я услышала тихий, прерывистый выдох.

— Иврея…

И заплакала. Сначала попыталась сдержаться. Прикусила губу, стиснула пальцы на его рубашке, но сорок семь дней одиночества, бессонных ночей, злости и отчаяния обрушились на меня разом.

Я рыдала, прижимаясь к нему, как маленькая девочка. Некрасиво, громко, совершенно не заботясь о том, какое впечатление произвожу.

Саэрд гладил меня по спине.

— Тише, любимая.

— Не смей, — всхлипнула я.

Он немного отстранился.

— Что?

— Не смей меня успокаивать!

Я подняла голову, перед глазами всё расплывалось.

— Ты вообще понимаешь, что натворил?

Саэрд смотрел на меня, я заметила, как напряглась его челюсть.

— Иврея…

— Нет! Я сорок семь дней не знала, что делать! Я ходила к твоим проклятым военным, разговаривала с магами, разбирала мамины записи. Я даже перестала покупать нормальную еду, потому что всё равно не могла заставить себя есть!

Он нахмурился.

— Ты не ела?

— Из всего сказанного тебя заинтересовало именно это?!

— Сейчас да.

Я вскинула руки.

— Невероятно!

Саэрд посмотрел на меня с таким знакомым раздражением, что на мгновение всё стало почти обыкновенным, словно мы снова стояли у себя на кухне и ссорились из-за какой-нибудь ерунды.

Только я продолжала плакать, а он был мёртв.

— Ты похудела, — заметил Саэрд.

— Спасибо за наблюдательность.

— Я серьёзно.

— А я, по-твоему, шучу?

Он вздохнул.

— Давай хотя бы сейчас не будем ругаться.

Я задохнулась от возмущения.

— Не будем ругаться? Ты умер, оставил меня одну, а теперь предлагаешь приятно провести время?

— Я не предлагал приятно провести время.

— Вот именно! Даже умерев, умудряешься испортить встречу!

Он неожиданно рассмеялся.

Тихо.

Почти виновато.

Я замерла.

Этот смех…

Я так боялась его забыть.

Последние недели ловила себя на том, что уже не могла точно вспомнить, как он звучал.

Помнила, что Саэрд смеялся низко, иногда чуть хрипло, но сам звук постепенно стирался.

Теперь я услышала его снова.

— Не смей смеяться, — прошептала я.

Он перестал, положил ладонь мне на щёку.

— Прости.

Я смотрела на него сквозь слёзы, Саэрд редко просил прощения.

Не потому, что считал себя безупречным, просто обычно предпочитал исправлять ошибки поступками. Если ссорился со мной, мог весь вечер молчать, а потом внезапно приготовить ужин, починить сломанную полку или принести любимые сладости.

И лишь после этого, когда мы оставались вдвоём, признать, что был неправ, сейчас он сказал это сразу и я испугалась.

— Ты ведь действительно умер? — спросила я.

Его пальцы замерли у моей щеки.

— Да.

Я закрыла глаза, мне хотелось, чтобы он соврал, сказал, что всё оказалось ошибкой, что гарнизонные маги перепутали драконьи следы и он просто задержался, а я устроила переполох из-за пустяка. Я бы рассердилась.

Кричала. А потом обняла так крепко, что он ещё долго жаловался бы на мои ведьмовские замашки.

Но Саэрд не соврал.

— Где мы? — спросила я.

Он посмотрел на бескрайнее поле.

— В Межелесье.

Я нахмурилась.

— Межелесье? Но это…

— Граница между мирами.

— Между живыми и мёртвыми?

— Примерно.

Я огляделась, высокая трава мягко колыхалась, лепестки роз продолжали плыть над нами, вдали, на самом краю горизонта, мерцала тонкая золотая полоска света.

— Здесь красиво.

— Да.

— И ты всё это время находишься здесь?

Он не ответил сразу.

— Большую часть времени.

Я схватила его за руку.

— Значит, здесь есть дорога обратно.

Саэрд посмотрел на наши пальцы.

— Как ты сюда попала?

— Через холст.

Он резко поднял голову.

— Какой холст?

— Оставшегося Следа. Варшэн дал мне его вместе с краской и кистью. Правда, он ужасно дорого обошёлся, но я решила, что…

— Ты ходила к Варшэну?

Я осеклась, Саэрд выглядел совершенно иначе, исчезло мягкое выражение лица.

Он выпрямился.

— Иврея, что именно ты сделала?

Я невольно отступила.

— Нарисовала возвращающий круг.

— Полностью?

— Почти. Последняя линия замкнулась сама. А потом появился отпечаток твоей руки.

Он закрыл глаза, очень медленно выдохнул.

— Проклятье.

— Я тоже была рада тебя увидеть.

— Это не шутки.

— А я и не шучу!

Он открыл глаза.

— Ты не должна была сюда приходить.

Слова ударили неожиданно сильно, я отпустила его руку.

— Что?

Саэрд потянулся ко мне, я отстранилась.

— Повтори.

— Иврея…

— Нет, повтори. Я хочу убедиться, что правильно тебя услышала.

Он помолчал.

— Тебе нельзя возвращаться в Межелесье.

Я рассмеялась. Сухо и без всякого веселья.

— Вот как.

Саэрд нахмурился.

— Не смотри на меня так.

— А как мне смотреть? С благодарностью? Я три ночи писала заклинание, почти не спала, потратила все деньги и наконец нашла тебя. А ты заявляешь, что мне не следовало приходить.

— Потому что это опасно.

— Для кого?

— Для тебя.

— Какая неожиданность.

Я отвернулась, грудь болезненно сжало, мне захотелось ударить его, не сильно, ровно настолько, чтобы он понял, как сильно я злюсь, но вместо этого я обхватила себя руками.

— Ты ведь так и не изменился, — сказала я. — Даже здесь.

Саэрд молчал.

— Всё решаешь сам. Уходишь, когда считаешь нужным. Скрываешь опасности. Объясняешь мне, что лучше, а чего делать нельзя. А потом исчезаешь, и я должна как-то жить с последствиями твоих прекрасных решений.

— Я не собирался умирать.

Я резко обернулась.

— Но ты знал, что можешь!

Он замер.

— Что?

— Ты знал. Я поняла это ещё до твоего ухода. Поэтому и пыталась выяснить, что происходит у перевала.

Саэрд отвёл взгляд. Я медленно подошла к нему.

— Значит, правда.

Он провёл рукой по волосам.

— Иврея, там было слишком многое поставлено на карту.

— А я?

Он посмотрел на меня.

— Что?

Горло сдавило, я заставила себя договорить.

— Я тоже была поставлена на карту? Или обо мне ты просто забыл?

Саэрд побледнел, несколько мгновений он смотрел на меня, будто я ударила его, потом шагнул ближе.

— Я думал о тебе каждую минуту.

— Тогда почему ничего не сказал?

— Потому что не хотел, чтобы ты пошла за мной.

— Ты не имел права решать за меня!

— Я знал, что ты попытаешься помочь.

— Разумеется! Я же тебя любила!

Я закрыла лицо руками.

— Господи…

Саэрд обнял меня, на этот раз я не сопротивлялась, просто стояла, прижавшись лбом к его груди.

— Я и сейчас люблю, — прошептала я. — Так сильно, что иногда хочется тебя возненавидеть. Ты хотя бы понимаешь, как это мучительно?

Его рука медленно скользнула по моим волосам.

— Понимаю.

— Нет. Ты здесь. Ты знаешь, что с тобой произошло. А я осталась в нашем доме, где каждая вещь напоминает о тебе.

Слова полились сами, я давно хотела кому-нибудь это рассказать, но никто не мог понять. Все говорили одинаковое, время поможет, тебе нужно отвлечься, он бы хотел, чтобы ты была счастлива.

Откуда они знали, чего хотел Саэрд? Они даже не представляли, как он сердился, если ему подавали холодный завтрак.

— Я до сих пор не могу убрать твою одежду, — призналась я. — Вчера нашла в кармане плаща орехи, которые ты купил на рынке. Представляешь? Они уже совсем высохли. А я стояла посреди комнаты и плакала над этими дурацкими орехами.

Саэрд крепче обнял меня.

— Любимая…

— И твоя чашка стоит на полке. И сапоги возле двери. И сковорода висит там же, хотя я её ненавижу.

Он тихо хмыкнул, я подняла голову.

— Ты смеёшься?

— Немного.

— Очень смешно, правда?

— Просто я всегда подозревал, что однажды ты всё-таки признаешься, как сильно ненавидишь эту сковороду.

Я всхлипнула и неожиданно рассмеялась.

Он улыбнулся.

Та самая улыбка, чуть насмешливая, тёплая, от которой у меня раньше неизменно слабели колени, даже когда я была на него ужасно зла.

Я коснулась его лица, провела пальцами по щеке, он повернул голову и поцеловал мою ладонь, обычное движение, такое знакомое, что сердце болезненно сжалось.

— Саэрд…

Он наклонился, коснулся моей щеки тыльной стороной пальцев, я помнила эту привычку, перед поцелуем он всегда делал именно так, словно сначала хотел убедиться, что я не отвернусь, я сама потянулась к его губам.

Поцелуй получился коротким, неловким, я слишком сильно сжала его воротник, а он, кажется, боялся прижать меня ближе, потом Саэрд обнял меня за талию и поцеловал снова.

Я закрыла глаза, губы у него были тёплые, настоящие. Он целовал меня так, как делал это дома, когда мы оставались одни после долгого дня: без спешки, внимательно, иногда едва касаясь губ, будто хотел продлить каждое мгновение. Я прижалась к нему.

Пальцы сами нашли знакомое место у него на затылке, Саэрд тихо выдохнул, потом обхватил моё лицо ладонями, я чувствовала, что он тоже скучал, по тому, как крепко держал меня.

Как снова и снова касался губами моего лба, щеки, виска и на мгновение уткнулся лицом в мои волосы.

— Я так скучала, — прошептала я.

Он не ответил сразу, только сильнее прижал меня.

— Знаю.

— Нет, не знаешь.

Он чуть отстранился, посмотрел мне в глаза.

— Тогда расскажи.

Я всхлипнула.

— Каждый вечер я думаю, что сегодня ты точно придёшь. Иногда даже слышу твои шаги. Бегу к двери, открываю… А там никого.

Саэрд болезненно поморщился.

Я продолжала:

— И самое ужасное, что я уже знаю — тебя там не будет. Но всё равно открываю. Каждый раз.

Он опустил голову, его лоб коснулся моего.

— Прости меня.

Я закрыла глаза.

— Не хочу твоих извинений.

— Тогда чего ты хочешь?

Подняла на него взгляд.

— Домой.

Он замер.

— Хочу, чтобы ты вернулся домой, — сказала я. — Чтобы снова разбрасывал свои вещи, спорил со мной, просыпался ночью и проверял, не замёрзли ли у меня ноги. Я даже согласна, чтобы ты опять купил какую-нибудь совершенно ненужную громадину и поставил посреди кухни.

Уголок его рта дрогнул, но улыбка быстро исчезла.

— Иврея…

— Я знаю, что ты скажешь. Что это невозможно. Что существуют какие-то законы магии. Что я должна смириться. Но ведь я уже здесь, Саэрд. Значит, не всё потеряно.

Он посмотрел куда-то за моё плечо, я обернулась.

Серебряная трава постепенно меняла цвет.

Не вся. Только возле наших ног.

Золотистый свет неба стал слабее, а несколько лепестков роз замедлили движение, один коснулся моей руки и растаял, оставив на коже крошечную серебряную искру.

— Что происходит? — спросила я.

Саэрд осторожно взял меня за плечи.

— Тебе пора просыпаться.

Я похолодела.

— Нет.

— Иврея…

— Нет, пожалуйста. Только не сейчас.

Он посмотрел на меня с такой нежностью, что я едва выдержала.

— Ты не можешь оставаться здесь долго.

— Почему?

— Потому что ты живая.

— А ты?

Он помолчал.

— А я уже нет.

Я покачала головой.

— Мне всё равно.

— Мне нет.

Я вцепилась в его рубашку.

— Ещё немного. Пожалуйста. Хотя бы несколько минут.

Он обнял меня. Прижал к себе, словно пытался удержать от невидимого течения.

Я почувствовала, что трава больше не касается моих ног.

Посмотрела вниз. Мои ступни становились прозрачными.

Сквозь них просвечивали серебряные стебли.

— Саэрд!

— Смотри на меня.

Я подняла голову, он держал моё лицо в ладонях.

— Послушай внимательно. Когда проснёшься, не пытайся повторить заклинание.

Я замотала головой.

— Нет.

— Не трогай холст.

— Я его не брошу.

— Иврея, ты не знаешь, что именно открыла.

— Тогда расскажи!

Он сжал челюсти.

— Я не могу сейчас объяснить всё, что происходит в Межелесье. Но обещаю, что ты не должна платить за мои ошибки.

Я почувствовала, как внутри поднимается прежняя злость.

— Опять решаешь за меня?

— Я прошу тебя.

— А я прошу вернуться!

Он замолчал.

Потом медленно погладил меня по волосам.

— Я пытался.

Я застыла.

— Что?

Саэрд отвёл взгляд.

— Здесь есть дороги. Иногда они появляются, иногда исчезают. Я искал ту, что ведёт обратно.

— И?

— Каждый раз оказывался в этом поле.

Я посмотрела на бесконечную серебристую траву, лепестки роз и странное небо, в котором одновременно жили закат и рассвет.

Красивое место.

Невероятно красивое.

И вдруг мне стало страшно от мысли, что он находился здесь один.

Все сорок семь дней без возможности выйти за пределы этого прекрасного поля.

— Ты всё это время искал дорогу? — тихо спросила я.

Саэрд кивнул.

— Сначала.

— А потом?

Он посмотрел на меня.

— Потом понял, что не всякую дверь можно открыть изнутри.

Я обхватила его лицо ладонями.

— Тогда я открою снаружи.

Он закрыл глаза.

— Иврея, пожалуйста…

Я поцеловала его, не дала договорить.

Мне хотелось запомнить вкус его губ, тепло кожи, тяжесть ладоней на моей спине.

Хотелось унести с собой хотя бы это.

Саэрд ответил на поцелуй.

Но через несколько мгновений я почувствовала, что его руки больше не держат меня так крепко.

Не потому, что он отпустил.

Моё тело исчезало, я вскрикнула и попыталась прижаться ближе.

Он опустился вместе со мной на колени, прямо в серебряную траву.

Лепестки медленно плыли вокруг.

— Не уходи, — попросила я.

Саэрд обнял меня.

— Это ты уходишь, любимая.

— Тогда удержи.

Он тяжело выдохнул.

— Если бы я мог…

Я закрыла лицо у него на груди.

И снова заплакала.

Саэрд гладил меня по волосам.

— Ты должна жить дальше, Иврея.

Я всхлипнула.

— Не говори так.

— Ешь нормально. Спи по ночам. Вернись к своим травам, к работе. Сходи к старой Эльвир, она ведь всё время просила тебя помочь с садом.

Я подняла голову.

— Ты сейчас серьёзно?

Он попытался улыбнуться.

— Да.

— Я исчезаю у тебя на руках, а ты предлагаешь мне заняться клумбами соседки?

— У неё очень плохие розы.

Я невольно засмеялась сквозь слёзы.

— Ты невыносим.

— Знаю.

Саэрд поцеловал меня в лоб.

Потом в щёку.

Я обняла его за шею.

— Скажи, что я ещё увижу тебя.

Он замер.

— Саэрд.

Его глаза блестели, он смотрел на меня долго, словно пытался найти слова, которых у него никогда раньше не было.

— Я очень хочу, чтобы ты была счастлива.

Я покачала головой.

— Это не ответ.

Он опустил взгляд.

— Знаю.

Я почувствовала, как исчезают пальцы, потом руки.

Саэрд всё ещё обнимал меня, хотя держать уже было почти нечего.

Я видела, как дрожит его челюсть.

Как он с усилием сглатывает.

Мой сильный, упрямый, невыносимый дракон.

Который никогда не боялся врагов.

Который мог подняться над горами и заслонить собой солнце. Сейчас он сидел посреди поля и не мог удержать меня даже на несколько лишних мгновений.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Голос прозвучал глухо, я заплакала ещё сильнее.

— Тогда возвращайся.

Он коснулся моего лица. Его пальцы стали почти невесомыми.

— Не приходи сюда больше, Иврея.

Я смотрела на него сквозь слёзы.

— Ты ведь знаешь, что я не послушаюсь.

Он слабо улыбнулся.

— Именно поэтому и прошу.

Я хотела ответить, сказать, что он ещё пожалеет о своих запретах и я обязательно найду способ, мы снова будем вместе, даже если мне придётся переписать все ведьмовские книги мира.

Но голос пропал, Саэрд наклонился и поцеловал меня в последний раз.

Я ещё чувствовала его губы, слышала дыхание, видела янтарные глаза совсем близко, потом поле начало отдаляться, серебряная трава, розовые лепестки, его лицо.

Саэрд остался на коленях, он больше не пытался меня удержать, только смотрел вслед и перед самым пробуждением я увидела, как он закрыл лицо ладонями.

Я проснулась от собственного плача, подушка была мокрой, за окном светило утреннее солнце. На улице шумели торговцы, где-то неподалёку смеялись дети.

Я лежала неподвижно, несколько минут пыталась убедить себя, что всё произошедшее было сном.

Слишком настоящим.

Потом подняла руку к лицу, на щеке оставалось ощущение его прикосновения, я закрыла глаза, попыталась вспомнить запах его кожи.

Дым, горькие травы, тёплая рубашка.

Я чувствовала всё так отчётливо, будто Саэрд только что вышел из спальни.

И от этого одиночество сделалось ещё мучительнее.

Я повернулась на его половину кровати, провела ладонью по простыне.

Холодная.

Конечно.

Я вдруг рассердилась.

Так сильно, что села на постели и швырнула подушку в стену.

— Проклятый ты дракон!

Подушка упала на пол, я схватила вторую, но бросить уже не смогла, прижала к груди.

— Как ты смеешь просить меня жить дальше? — прошептала я в пустоту. — После всего, что мы собирались сделать?

Мы ведь планировали столько всего, дом возле моря, путешествие к северным озёрам.

Сад, в котором я хотела выращивать редкие травы, а Саэрд — обязательно посадить фруктовые деревья.

Он даже говорил о детях, однажды, совершенно неожиданно, спросил, будут ли наши дети упрямыми.

Я ответила, что непременно.

Он вздохнул и сказал, что тогда нам стоит сразу построить дом побольше, чтобы было куда прятаться во время семейных ссор.

Я тогда смеялась.

А теперь сидела на кровати и думала о детях, которых у нас никогда не будет.

О маленьких руках, первых шагах, о том, как Саэрд, наверняка совершенно беспомощный перед младенцем, пытался бы научиться держать его правильно.

Он был бы замечательным отцом.

Нетерпеливым.

Ворчливым.

До смешного заботливым.

Я прижала подушку к лицу.

— Ты не имел права, — прошептала я.

И долго плакала, не пытаясь остановиться.

Потому что впервые за сорок семь дней мне казалось, что плачу я не только по умершему мужчине.

Я оплакивала всю нашу жизнь, которая так и не успела случиться.

Когда слёзы наконец закончились, я поднялась.

Умылась, расчесала волосы, переоделась в чистое платье, потом спустилась на кухню и заставила себя съесть кусок хлеба с сыром.

Саэрд велел питаться нормально, в этом я могла его послушаться, во всём остальном он, разумеется, мог отправляться к чертям со своими советами.

Я налила себе чай, по привычке достала вторую чашку, поставила на стол.

Посмотрела и впервые не стала убирать обратно.

Пусть стоит. Я ещё собиралась с ним позавтракать, пусть даже ради этого придётся разбудить половину древних ведьм, разобраться во всех законах Межелесья и выслушать очередную лекцию Варшэна.

Допив чай, я вернулась в рабочую комнату.

Холст стоял на прежнем месте, золотистая чешуя мерцала в утреннем свете, отпечаток мужской ладони оставался в центре.

Я подошла ближе, коснулась его, ткань была прохладной, но краска по-прежнему не высохла.

Долго рассматривала узоры, пытаясь понять, что именно удалось сделать во время ритуала.

Заклинание должно было вернуть Саэрда, вместо этого оно привело меня к нему.

Значит, я ошиблась где-то в последовательности знаков или сам закон возвращения оказался сложнее, чем писал Варшэн.

Я собиралась выяснить.

Взяла чистый лист бумаги, записала всё, что помнила о Межелесье.

Серебряная трава, красные лепестки роз, небо между закатом и рассветом, тёплая кожа Саэрда, его слова о дороге, которую невозможно открыть изнутри.

Последнюю фразу я подчеркнула дважды, потом ещё раз посмотрела на холст.

— Значит, дверь, — пробормотала я. — Тебе нужна дверь.

Я уже потянулась к книжечке Варшэна, когда заметила кое-что странное, у основания мольберта лежал лепесток розы.

Тёмно-красный, бархатистый, совершенно настоящий.

Я присела, осторожно подняла его.

Лепесток был прохладным и пах свежими цветами. На мгновение мне показалось, что где-то совсем рядом снова слышится дыхание Саэрда.

Я закрыла глаза.

— Я тебя найду, любимый.

Потом открыла шкатулку, где хранила самые дорогие воспоминания, там лежали его старый перстень, маленькая медная монета из нашей первой совместной поездки и ленточка, которую он однажды завязал мне на волосы.

Я положила лепесток рядом, закрыла крышку, подошла к окну и распахнула ставни.

Солнце уже поднялось над крышами, город просыпался.

Люди спешили по своим делам.

Я вернулась к столу, взяла кисть и осторожно обмакнула её в золотистую краску.

— Ты уж извини, дорогой, — произнесла я, глядя на отпечаток его ладони. — Но на этот раз я не собираюсь спрашивать твоего разрешения.

На холсте дрогнула одна из чешуек.

Придвинула к себе чистый лист с записями и начала искать ошибку в заклинании.

Глава 3

К полудню я обнаружила, что в заклинании возвращения вообще не было ошибки.

Я проверила его семь раз.

Сначала по записям матери, затем по книге Варшэна, потом по старому ведьмовскому сборнику, который много лет считала бесполезным. Последние страницы пришлось разбирать через увеличительное стекло: чернила почти выцвели, а некоторые буквы слились в причудливые пятна.

Все двенадцать знаков стояли на своих местах.

Круг был замкнут правильно.

Порядок воспоминаний соблюдён.

Даже расстояние между серебряными линиями совпадало с рисунком в книге.

Я отодвинула стул, потерла уставшие глаза и посмотрела на холст.

— Тогда почему ты до сих пор там?

Золотистая драконья чешуя мерцала в утреннем свете.

Отпечаток ладони оставался влажным на вид, хотя, когда я осторожно касалась ткани, пальцы оставались сухими.

В этом было что-то противоестественное и одновременно удивительно красивое.

Магия не желала завершаться.

Она продолжала жить собственной жизнью, медленно переливаясь под тонким слоем ткани. Иногда отдельные чешуйки вспыхивали ярче, и тогда мне казалось, будто под холстом движется что-то огромное и тёплое.

В первый день я испугалась бы.

Теперь ловила себя на том, что разговариваю с ним.

— Слышишь, я совершенно серьёзно. Если ты каким-то образом умудрился застрять между мирами из-за собственного упрямства, у меня для тебя плохие новости. Я упрямее.

Ответа не последовало.

Я вздохнула и потянулась за чашкой.

Чай успел остыть.

Впрочем, за последние недели я привыкла пить холодный чай, есть вчерашний хлеб и просыпаться в платье, которое забыла снять вечером.

Саэрд пришёл бы в ужас.

Хотя сначала наверняка устроил бы мне допрос, почему я снова занимаюсь колдовством на пустой желудок.

Я представила его недовольное лицо и почти улыбнулась.

А потом вспомнила, как вчера во сне он попросил меня больше не возвращаться в Межелесье.

Улыбка исчезла.

Он произнёс это так, словно речь шла о чём-то незначительном.

Будто можно просто проснуться однажды утром и решить, что больше не любишь мужчину, с которым собиралась прожить всю жизнь.

Разумеется, Саэрд не говорил, что должен исчезнуть из моего сердца. Но иногда мне казалось, что именно этого он и добивается.

Чтобы я перестала искать.

Перестала ждать.

Научилась спать в пустой кровати, готовить ужин на одного человека и проходить мимо его любимых лавок, не вспоминая, как он непременно покупал какую-нибудь ненужную ерунду.

Я сердито захлопнула книгу.

— Обойдёшься.

С верхней полки посыпалась пыль.

Я чихнула.

— И вообще, мог бы хотя бы объяснить всё нормально, прежде чем запрещать мне что-либо.

Разумеется, никто не ответил.

При жизни Саэрд тоже иногда прибегал к подобной тактике.

Замолкал, когда понимал, что проигрывает спор.

Только тогда я могла забраться к нему на колени, обхватить за шею и заявить, что он никуда не уйдёт, пока не признает мою правоту.

Теперь приходилось разговаривать с холстом.

Признаться, собеседник получился ещё более упрямым.

К вечеру я выяснила три вещи.

Во-первых, Межелесье действительно существовало.

Во-вторых, почти всё, что писали о нём в книгах, противоречило друг другу.

И в-третьих, никто из авторов не счёл нужным объяснить, каким образом можно вернуть оттуда дракона.

Обычного человека, пожалуйста.

Несколько ведьмовских трактатов содержали описания редких случаев, когда умершие появлялись возле собственных домов, отвечали на вопросы родственников и даже оставались на несколько дней.

Правда, все эти истории заканчивались одинаково: вернувшиеся вновь уходили.

Иногда сами.

Иногда после того, как понимали, что больше не способны жить прежней жизнью.

Но драконы…

О драконах Беззакатного рода нашлось всего несколько страниц.

Я переписала одну из них на отдельный лист:

«В сердцах последних солнечных змеев заключён свет, не принадлежащий ни одному из известных миров. Когда существо такого рода умирает, его огонь не гаснет сразу, но продолжает искать своё истинное пристанище».

Ниже шла строка, от которой я долго не могла отвести взгляд:

«Иногда этот огонь удерживает то, что должно быть разделено».

Я прочитала её несколько раз.

Потом перевернула страницу.

Продолжения не оказалось.

— Великолепно, — пробормотала я. — Спасибо за исчерпывающие сведения.

Саэрд никогда особенно охотно не рассказывал о своём роде.

Я знала, что он последний из Беззакатных.

Что его предки жили задолго до появления человеческих королевств.

Что в драконьем облике он мог подняться выше облаков и лететь навстречу солнцу, не боясь его жара.

И ещё знала, что у него два сердца.

Одно билось, как у человека.

Второе принадлежало дракону.

Когда Саэрд принимал человеческий облик, второе сердцебиение становилось таким тихим, что услышать его можно было только в полной тишине, прижавшись ухом к его груди.

Мне нравилось так засыпать.

Особенно зимой.

Он лежал на спине, перебирал мои волосы и иногда рассказывал истории о местах, которых больше не существовало.

О городах, утонувших в песках.

О горных озёрах, где вода была такой прозрачной, что можно было различить камни на глубине сотни шагов.

О лесах, выросших на спинах спящих каменных великанов.

Я слушала, пока глаза не начинали слипаться.

Иногда просила рассказать ещё.

Он смеялся и говорил, что засыпать под рассказы тысячелетнего дракона — довольно оскорбительное поведение.

И всё равно продолжал.

Тогда я думала, что его второе сердце — просто удивительная особенность драконьей природы.

Теперь, глядя на строчку из старого трактата, впервые задумалась, зачем ему вообще понадобилось два сердца.

И почему за последние месяцы одно из них почти перестало биться.

Я медленно опустила книгу.

Вот что я упустила.

В последние недели перед смертью Саэрд изменился.

Сначала я не замечала.

Он по-прежнему улыбался, целовал меня по утрам, жаловался на погоду и уходил по своим делам.

Но потом начал просыпаться раньше обычного.

Подолгу сидел возле окна.

Иногда возвращался домой настолько усталым, что даже не пытался скрыть это привычными шутками.

Однажды я обняла его сзади, пока он стоял у печи, и вдруг почувствовала, что его кожа холодная.

Драконы не бывают холодными.

По крайней мере, мой никогда не был.

— Ты заболел? — спросила я тогда.

Он накрыл мои ладони своими.

— Просто вымотался.

— Ты же дракон.

— Удивительно, что ты заметила.

Я ткнула его локтем.

Он рассмеялся.

И я успокоилась.

Глупая.

До чего же глупая.

Я откинулась на спинку стула и закрыла глаза.

За окном стемнело.

Где-то далеко зазвенели вечерние колокола.

В нашей спальне лежала его забытая рубашка, которую я уже несколько дней собиралась убрать.

На кухне стояла вторая чашка.

А я вдруг ясно вспомнила последний вечер, когда мы ещё могли всё исправить.

За три дня до его гибели шёл дождь.

Обычный осенний дождь, мелкий и неприятный, от которого улицы делались скользкими, а крыши домов пахли мокрой черепицей.

Я вернулась с рынка раньше обычного.

Купила мяту, сушёные ягоды, немного сыра и большой кусок говядины, потому что Саэрд с утра заявил, что ему надоела моя привычка питаться одними травами.

На самом деле я вполне нормально ела.

Просто он считал, что нормальная еда обязательно должна состоять хотя бы из половины жареного животного.

Я поставила корзину на стол и обнаружила, что дома никого нет.

На кухне ещё сохранялось тепло от недавно затопленной печи.

Возле окна стояла его чашка.

Чай в ней не был допит.

Я хотела убрать посуду, но заметила рядом раскрытую карту.

Саэрд редко оставлял свои вещи в беспорядке.

В отличие от меня, он прекрасно помнил, где что лежит, и мог ужасно раздражаться, когда обнаруживал, что я снова использовала его рабочий стол для смешивания настоев.

Поэтому карта меня заинтересовала.

На ней был изображён восточный перевал.

Я узнала извилистую дорогу между скалами, сторожевую башню, старое русло реки.

А посреди перевала виднелся нарисованный серебряными чернилами круг.

От него расходились тонкие линии.

Некоторые были перечёркнуты.

Другие заканчивались знаками, похожими на драконьи руны.

Я наклонилась ближе.

Возле одного символа обнаружилась пометка, сделанная рукой Саэрда.

«Удержание нестабильно. До полного смещения — не более семи дней».

Я прочитала её дважды.

Потом ещё раз.

И почувствовала, как внутри поднимается неприятное беспокойство.

В последние недели Саэрд постоянно исчезал по делам.

Возвращался поздно.

Отмахивался от вопросов.

Говорил, что на границе снова возникли какие-то проблемы, но всё под контролем.

Теперь передо мной лежала карта, на которой кто-то отсчитывал дни до полного смещения неизвестно чего.

Я услышала, как открылась дверь.

Саэрд вошёл на кухню, стряхивая дождевые капли с волос.

В руках он держал бумажный свёрток.

— Иврея, ты дома? Я принёс те орехи, которые ты любишь. Торговка на площади сказала, что они свежие, хотя лично я сомневаюсь, что…

Он замолчал.

Увидел карту.

Потом меня.

Я никогда не забуду, как изменилось его лицо.

Не испугался.

Саэрд вообще редко пугался.

Но вся привычная непринуждённость исчезла.

Он положил свёрток на стол.

— Где ты это взяла?

— Здесь лежало.

— Ты читала?

— Разумеется. Особенно ту часть, где написано, что через семь дней произойдёт какое-то полное смещение. Очень занимательное чтение.

Он медленно снял плащ.

Повесил его возле двери.

Я наблюдала, как нарочито спокойно он расправляет мокрый воротник.

— Саэрд.

— Сейчас.

— Нет, сейчас ты подойдёшь сюда и расскажешь, что происходит.

Он повернулся ко мне.

— У перевала возник разлом.

— Какой разлом?

— Между слоями магии. Ничего такого, с чем я не мог бы справиться.

Я посмотрела на карту.

Потом снова на него.

— Ты держишь меня за идиотку?

Саэрд нахмурился.

— Никогда.

— Тогда прекрати разговаривать со мной как с ребёнком. Я ведьма, если ты вдруг забыл. И прекрасно знаю, что обычные разломы не отмечают драконьими рунами удержания.

Он замолчал.

Я подошла ближе.

— Что означает «полное смещение»?

Саэрд провёл ладонью по лицу.

— Иврея, я только вернулся. Давай сначала поужинаем.

Меня затрясло от злости.

— Ты серьёзно предлагаешь мне приготовить тебе ужин, пока я не знаю, собираешься ты умереть через семь дней или нет?

Он резко поднял голову.

Я увидела, как напряглись его плечи.

И всё поняла.

Точнее, тогда мне показалось, что поняла.

— Значит, всё настолько плохо.

Саэрд подошёл к столу.

Медленно сложил карту.

— Есть вещи, которые я обязан закончить. Если оставить разлом открытым, последствия будут слишком серьёзными.

— Для кого?

— Для всех, кто живёт к востоку от гор. Возможно, для значительно большего числа людей.

Я почувствовала холод.

— Почему ты не сказал мне раньше?

— Потому что до сегодняшнего дня надеялся решить проблему без лишнего вмешательства.

— Моего вмешательства?

Он посмотрел на меня.

Не ответил.

Я невесело рассмеялась.

— Вот оно что. Ты просто решил, что мне лучше ничего не знать.

— Я решил, что пока нет причины заставлять тебя переживать.

— Ты вообще слышишь себя?

Саэрд раздражённо выдохнул.

— Иврея, я три недели почти не сплю. Мне приходится удерживать разлом, заниматься гарнизоном, следить, чтобы люди не подходили слишком близко к перевалу. Сейчас меньше всего мне хочется ещё и ссориться с тобой.

Эти слова меня задели.

Особенно последнее.

Ещё и ссориться с тобой.

Словно я была очередной неприятностью в длинном списке его забот.

— Прости, что доставляю неудобства, — холодно сказала я. — В следующий раз постараюсь не интересоваться, что происходит с мужчиной, с которым собираюсь связать жизнь.

Он устало потёр переносицу.

— Не начинай.

— Что именно? Разговаривать? Беспокоиться? Или задавать вопросы, на которые ты не хочешь отвечать?

— Я не скрываю от тебя ничего, что могло бы помочь.

— А кто решил, что может помочь?

Саэрд замолчал.

Я подошла к нему вплотную.

— Посмотри на меня. Ты хоть понимаешь, почему я злюсь? Не из-за разлома. Не из-за того, что тебе приходится рисковать. Я знала, кого полюбила. Ты дракон, Саэрд. Ты прожил столько лет, что человеческие королевства для тебя иногда меняются быстрее, чем времена года. Я никогда не требовала, чтобы ты отказался от своей природы или обязанностей.

Он смотрел на меня.

Я продолжала, уже почти не сдерживаясь:

— Но мы собирались соединить судьбы. Через месяц. Ты сам предложил этот обряд. Мы выбирали день, спорили о месте, ты даже заказал у мастера браслеты. А теперь оказывается, что ты три недели тайком делаешь что-то настолько опасное, что отсчитываешь оставшиеся дни на карте. И считаешь совершенно нормальным не сказать мне ни слова.

На лице Саэрда промелькнула боль.

— Обряд состоится.

— Ты уверен?

— Да.

— Тогда почему не можешь просто объяснить, что с тобой происходит?

Он отвернулся к окну.

Дождь стучал по стеклу.

Я помню, как долго ждала ответа.

Помню, что за это время вода успела закипеть в чайнике, а на полу возле двери образовалась маленькая лужица от его мокрого плаща.

Наконец Саэрд сказал:

— Потому что есть решения, которые я должен принять сам. И мне очень не хочется, чтобы ты расплачивалась за них вместе со мной.

Я почувствовала, что он уже что-то решил.

Давно.

Без меня.

И от этого стало обиднее, чем от всех его недомолвок.

— Какая трогательная забота, — произнесла я. — Особенно если учесть, что жить с последствиями твоих решений всё равно придётся мне.

Он резко обернулся.

— Я пытаюсь сделать так, чтобы у тебя вообще не было никаких последствий!

Я вздрогнула.

Саэрд никогда не повышал на меня голос без серьёзной причины.

Он тоже это понял.

Закрыл глаза, выдохнул.

— Прости. Я устал.

Мне следовало подойти.

Обнять его.

Сказать, что мы разберёмся вместе.

Может быть, тогда он рассказал бы всё.

Но вместо этого я отошла к столу, взяла купленные продукты и начала нарочито аккуратно раскладывать их по полкам.

Саэрд ещё некоторое время стоял посреди кухни.

Потом подошёл сзади.

Положил ладони мне на плечи.

— Иврея, пожалуйста. Дай мне немного времени.

Я продолжала перекладывать сыр из одной миски в другую.

— У тебя его, кажется, всего семь дней.

Он убрал руки.

И именно это движение я вспоминала потом чаще всего.

Не его последние слова.

Не выражение лица.

То, как его ладони медленно соскользнули с моих плеч.

Он ещё долго находился дома.

Мы ужинали молча.

Я приготовила мясо с травами. Саэрд съел почти всё, хотя обычно обязательно просил добавки.

Позже он пытался заговорить со мной в спальне.

Я отвернулась к стене.

Он не стал настаивать.

Лёг рядом.

Ночью, когда я проснулась, его рука лежала у меня на талии.

Я осторожно убрала её.

И притворилась, что сплю.

На следующий день мы почти не разговаривали.

Ещё через день он снова ушёл к перевалу.

А утром последнего дня оставил записку.

«Вернусь до темноты».

Я сидела перед раскрытой книгой и смотрела на эти слова, пока за окном окончательно не погас дневной свет.

Мы так и не помирились.

Я не сказала ему, что люблю.

Не попросила быть осторожнее.

Даже не поцеловала на прощание.

А он всё равно оставил мне записку про вино.

Будто собирался вернуться.

Будто действительно верил, что вечером мы наконец поговорим.

Я не знала, сколько просидела возле стола.

Когда подняла голову, свечи почти догорели.

На улице давно стихли голоса.

В животе неприятно урчало.

Я вспомнила обещание, которое дала себе утром, и пошла на кухню.

Съела несколько ложек остывшего овощного супа.

Потом нашла кусок сыра, яблоко и немного хлеба.

Саэрд непременно одобрил бы.

Хотя, разумеется, сначала поворчал бы, что суп следовало разогреть.

Я вернулась в спальню с книгой в руках.

Открыла её на главе о Межелесье.

Прочитала три страницы.

Ничего не запомнила.

Все мысли занимал Саэрд.

И тот последний разговор.

Теперь я видела, как много он пытался мне сказать.

Как устал.

Как отчаянно хотел, чтобы я поверила ему на слово.

Но я не могла.

Любовь не делала меня послушной.

И уж точно не обязывала соглашаться на жизнь, в которой мужчина самостоятельно решает, сколько правды я способна выдержать.

Я закрыла книгу.

Посмотрела на маленькую шкатулку возле кровати.

Внутри лежал розовый лепесток, принесённый из Межелесья.

Я достала его.

Он оставался свежим.

Я провела пальцем по бархатистой поверхности.

Лепесток чуть дрогнул.

А потом медленно поднялся над ладонью.

Я замерла.

Он покружился, словно подхваченный невидимым ветерком, и опустился обратно.

— Саэрд?

Тишина.

Я осторожно положила лепесток на подушку рядом с собой.

Потом легла.

Впервые за много дней мне не хотелось отодвигаться на его половину кровати.

Я просто закрыла глаза.

И стала ждать.

На этот раз я оказалась в Межелесье без всякого предупреждения.

Только что лежала в своей спальне, слышала шорох дождя за окном, а в следующее мгновение уже стояла посреди серебряного поля.

Небо оставалось прежним.

Розово-золотистый закат с одной стороны.

Бледное сияние рассвета — с другой.

Лепестки роз медленно плыли над травой.

Я огляделась.

Саэрда нигде не было.

— Ну прекрасно, — пробормотала я. — Теперь ещё и искать тебя по всему загробному лугу?

Трава мягко шелестела.

Я пошла вперёд.

Поле оказалось гораздо больше, чем мне показалось в прошлый раз.

Серебристые стебли доходили до талии, иногда цеплялись за платье, но почти не мешали идти.

Я пыталась запомнить дорогу.

Хотя ориентиров здесь совершенно не было.

Ни деревьев.

Ни холмов.

Ни солнца, по которому можно определить направление.

Только бескрайнее поле.

И лепестки.

Некоторые двигались навстречу.

Другие проплывали мимо, неторопливо меняя направление.

Я подняла руку.

Один коснулся пальцев.

Тёплый.

В отличие от того, что я принесла домой.

Я поймала его и осторожно сжала между пальцами.

— Саэрд Вейрх! — крикнула я.

Голос разнёсся далеко над травой.

Никто не ответил.

Я нахмурилась.

— Если ты решил спрятаться, потому что мы вчера поссорились, это совершенно неподобающее поведение для мужчины твоего возраста!

Где-то справа послышался знакомый смешок.

Я резко обернулась.

Саэрд стоял в нескольких шагах.

Прислонившись плечом к невысокому каменному столбу, которого ещё мгновение назад здесь не было.

На нём была светлая рубашка с расстёгнутым воротом и тёмные брюки.

Рукава, как обычно, закатаны до локтей.

Он выглядел усталым.

Но, увидев меня, невольно улыбнулся.

Улыбка продержалась всего несколько секунд.

Потом его лицо стало серьёзным.

— Ты опять пришла.

Я скрестила руки на груди.

— Какая удивительная наблюдательность.

Он оттолкнулся от столба.

— Я просил тебя этого не делать.

— А я просила тебя вернуться домой. Как видишь, оба пока не добились желаемого.

Саэрд вздохнул.

Провёл рукой по волосам.

И я вдруг заметила, что они стали чуть длиннее.

Раньше он всегда коротко подстригал их возле висков.

Говорил, что длинные пряди ужасно мешают во время тренировок.

Теперь волосы падали ему на лоб, и он машинально убирал их привычным движением.

Мне отчаянно захотелось подойти и сделать это самой.

Но я осталась стоять на месте.

Саэрд заметил.

Конечно, заметил.

Он вообще слишком хорошо меня знал.

— Сердишься? — спросил он.

— Нет, что ты. Я просто чрезвычайно довольна своим положением. Особенно тем, что мне приходится искать тебя среди розовых лепестков, пока ты изображаешь загадочного отшельника.

Он посмотрел на мои руки.

— Ты опять работала с холстом?

— Изучала.

— Иврея.

— Что?

— Я надеялся, что ты хотя бы немного отдохнёшь.

— Я поела.

Он удивлённо поднял брови.

— Даже так?

— И легла спать.

— Настоящее чудо.

— А ещё вымыла две чашки. Можешь похвалить меня за невероятные бытовые достижения.

Саэрд коротко рассмеялся.

Потом протянул руку.

Я посмотрела на неё.

На длинные пальцы.

На знакомый ожог возле запястья.

И вся моя решимость держаться холодно мгновенно исчезла.

Я подошла.

Он обнял меня прежде, чем я успела что-либо сказать.

Прижал к груди.

Я закрыла глаза.

Вдохнула знакомый запах.

Дым.

Горькие травы.

Немного тёплого дерева.

Саэрд поцеловал меня в макушку.

— Я скучал.

Я прижалась к нему сильнее.

— Тогда почему так упорно пытаешься меня прогнать?

Он не ответил.

Только медленно провёл ладонью по моей спине.

Я подняла голову.

— Саэрд, мы должны поговорить.

— Подозреваю, что ты уже подготовила список вопросов.

— Двадцать три.

Он посмотрел на меня с некоторым недоверием.

— Ты их считала?

— Разумеется.

— И сколько из них касаются того, почему я такой невыносимый упрямец?

— Примерно половина.

Он улыбнулся.

Я тоже.

Всего на мгновение.

Потом вспомнила, где мы находимся, и улыбка исчезла.

Саэрд взял меня за руку.

— Пойдём.

— Куда?

— Здесь есть место, где можно сесть.

Я огляделась.

— Здесь вообще есть что-нибудь, кроме травы?

— Иногда.

Он повёл меня через поле.

Мы шли медленно.

Я держалась за его руку, временами украдкой поглядывая на него.

Он выглядел настоящим.

Тепло ладони.

Тяжесть шагов.

Слабое движение мышц под тканью рубашки.

Даже привычка слегка поворачивать голову ко мне, когда я начинала говорить.

Я боялась, что стоит проснуться — и всё исчезнет.

Саэрд заметил мой взгляд.

— Что?

— Ничего.

— Иврея.

Я вздохнула.

— Проверяю, не исчез ли ты.

Он остановился.

Повернулся ко мне.

Потом осторожно коснулся моей щеки.

— Пока нет.

Я опустила глаза.

— Ненавижу это слово.

— Какое?

— «Пока».

Он ничего не ответил.

Просто наклонился и поцеловал меня в лоб.

Дом появился неожиданно.

Сначала я увидела в траве узкую тропинку, выложенную светлыми камнями.

Потом невысокую ограду.

За ней стояла деревянная беседка с широкими скамьями и круглым столом.

Она была удивительно похожа на ту, что находилась в саду нашей первой съёмной усадьбы.

Даже резные перила совпадали.

Я остановилась.

— Это…

— Помнишь? — спросил Саэрд.

Я кивнула.
Конечно, помнила.

Глава 4

В этой беседке мы однажды пережидали летний ливень.

Саэрд тогда ужасно сердился, потому что я настояла на прогулке, хотя он предупреждал о грозе.

Я заявила, что ведьмы не боятся дождя.

Через полчаса промокла до нитки.

Он снял плащ, укутал меня и почти всю дорогу домой ворчал, что непременно женится на самой упрямой женщине во всех известных королевствах.

Я тогда впервые услышала от него слово «женится».

И всю оставшуюся ночь не могла заснуть.

Хотя потом выяснилось, что он ещё даже не представлял, каким образом драконы заключают браки с ведьмами.

— Откуда она здесь? — спросила я.

Саэрд пожал плечами.

— Межелесье иногда принимает форму того, что мы хорошо помним.

Я провела ладонью по деревянным перилам.

Поверхность была гладкой.

Тёплой.

— Значит, мы можем создать здесь что угодно?

— Не совсем.

— А что именно?

Он отвёл взгляд.

— То, что осталось с нами.

Я обернулась.

— С нами?

Саэрд посмотрел на стол.

— С теми, кто приходит сюда.

Я хотела спросить ещё, но он уже отодвинул для меня скамью.

— Садись. Ты ведь собиралась устроить мне допрос?

Я села.

Он устроился напротив.

И на несколько мгновений мне стало странно.

Мы сидели в знакомой беседке, вокруг шелестела серебряная трава, над крышей плыли розовые лепестки.

Саэрд смотрел на меня так, как смотрел дома за ужином.

Немного насмешливо.

Немного устало.

Словно ожидал, что сейчас я начну рассказывать о своих многочисленных неприятностях.

Я сложила руки на столе.

— Первый вопрос. Где именно находится Межелесье?

Он усмехнулся.

— Начала с самого простого.

— Я решила тебя пожалеть.

Саэрд откинулся на спинку скамьи.

Некоторое время молчал.

Потом сказал:

— Представь, что между двумя соседними комнатами существует коридор. Ты можешь войти в него из любой комнаты, но дальше всё зависит от того, какая дверь для тебя открыта.

— Мир живых и мир мёртвых?

— Да. Только Межелесье устроено сложнее обычного коридора. Оно не имеет постоянной формы, и время здесь течёт иначе. Иногда проходит несколько мгновений, пока снаружи сменяются дни. Иногда наоборот.

Я задумалась.

— Значит, когда я просыпаюсь, для тебя может пройти больше времени?

— Может.

— А сколько прошло с нашей прошлой встречи?

Он посмотрел на меня.

— Трудно сказать.

— Примерно.

Саэрд потёр большим пальцем край стола.

— Я видел здесь три смены света. Если считать их днями, то три.

Я нахмурилась.

— Но дома прошёл всего один день.

— Поэтому я и говорю, что время здесь другое.

Я записала бы это, будь у меня под рукой бумага.

Вместо этого несколько раз повторила про себя.

Три смены света.

Один день.

— А как ты узнаёшь, что происходит в мире живых?

— Никак.

— Совсем?

Он покачал головой.

— Иногда до меня доносятся отдельные звуки. Голоса. Воспоминания. Возможно, они принадлежат тем, кто стоит возле границы. Но я не могу отличить настоящее от того, что просто сохранилось здесь.

Я вспомнила, как стояла перед холстом.

Как прижималась к отпечатку его ладони.

— Ты слышал меня позавчера?

Саэрд медленно поднял глаза.

— Слышал.

У меня защипало в носу.

— Всё?

Он кивнул.

Я отвернулась.

Перед глазами снова возникла та ночь.

Мои отчаянные просьбы.

Слёзы.

Слова, которые я произносила, не надеясь на ответ.

— Тогда почему не сказал ничего?

Он долго молчал.

Потом протянул руку через стол.

Накрыл мою ладонь своей.

— Я пытался.

Я посмотрела на него.

— Правда?

— Несколько раз. Не знаю, что именно дошло до тебя. Я чувствовал твоё прикосновение, слышал голос, но между нами словно оставалась очень толстая стена.

Я переплела наши пальцы.

— Значит, отпечаток…

— Мой.

Мне захотелось рассмеяться и заплакать одновременно.

Я прикусила губу.

— Я знала.

Саэрд смотрел на меня с такой нежностью, что стало трудно дышать.

Потом осторожно погладил большим пальцем мою ладонь.

— Ты всегда была слишком хороша в вещах, которые лучше оставить нетронутыми.

— А ты всегда слишком много запрещал.

— Кто-то же должен был пытаться.

Я невольно улыбнулась.

Потом вспомнила следующий вопрос.

— Почему ты не можешь вернуться?

Саэрд убрал руку.

Его лицо изменилось.

— Потому что я умер.

— Это не объяснение.

— Боюсь, лучшего у меня нет.

Я нахмурилась.

— Ты сам сказал, что здесь есть дороги. Что пробовал искать выход.

— Пробовал.

— И что произошло?

Он посмотрел на серебряное поле.

— Я возвращался сюда.

— Каждый раз?

— Каждый.

— Почему?

Саэрд молчал.

Я подалась вперёд.

— Ты что-то скрываешь.

Он усмехнулся.

Но без прежнего веселья.

— Удивительно, что ты заметила.

— Не надо так.

Он посмотрел на меня.

Я продолжала:

— Я не собираюсь снова играть в эту игру. Ты говоришь половину правды, потом улыбаешься, отвлекаешь меня какой-нибудь шуткой, а я должна довольствоваться тем, что ты вообще соизволил что-то объяснить.

Саэрд выпрямился.

— Я не пытаюсь тебя обмануть.

— Но умалчиваешь о важном.

Он не стал спорить.

И это разозлило меня ещё сильнее.

— Саэрд, я потеряла тебя один раз. Неужели ты действительно хочешь, чтобы я снова проходила через всё это только потому, что тебе сложно признать: ты не можешь справиться один?

Он отвернулся.

Несколько мгновений разглядывал лепестки, проплывавшие возле крыши беседки.

Потом сказал:

— Я не справился, Иврея.

Тихо.

Без раздражения.

Я замерла.

— Именно поэтому мы здесь.

Он провёл ладонью по столу.

— Разлом у восточного перевала оказался намного старше, чем мы предполагали. Там проходила граница между мирами ещё до того, как появились первые человеческие города. Когда-то её удерживали несколько солнечных драконов. Потом один за другим они исчезли.

Я слушала, почти не дыша.

— Твой род?

Он кивнул.

— Беззакатные.

— Значит, ты знал об этом разломе раньше?

— Знал, что он существует. Но несколько столетий он оставался неподвижным. Я проверял его время от времени. Иногда приходилось укреплять печать. Ничего необычного.

— А потом?

Саэрд провёл пальцами по волосам.

— Потом граница начала смещаться.

— Почему?

Он помедлил.

— Возможно, пришло время. Возможно, кто-то нарушил старую печать. У меня не было возможности выяснить наверняка.

Я вспомнила карту.

Серебряные линии.

Семь дней.

— И ты пытался удерживать её один?

— Сначала вместе с гарнизонными магами. Потом их пришлось отвести подальше. Люди слишком плохо переносят свет Беззакатных, если он проходит сквозь разлом.

Я нахмурилась.

— Что значит «плохо переносят»?

Саэрд посмотрел на меня.

— Начинают забывать время. Иногда собственные имена. Теряют дорогу домой даже на знакомых улицах. Один молодой маг несколько часов разговаривал со своей матерью, которая умерла двадцать лет назад.

Я почувствовала неприятный холод.

— Он умер?

— Нет. Я успел вывести его.

— А остальные?

— Все вернулись. Несколько дней приходили в себя, но в целом обошлось.

Я помолчала.

Потом спросила:

— И ты остался один.

Саэрд кивнул.

Я посмотрела на его руки.

Сильные.

Тёплые.

С тонкими следами старых ожогов.

— Что именно ты удерживал?

Он поднял глаза.

Долго смотрел на меня.

Потом осторожно взял мою ладонь и приложил к своей груди.

Я почувствовала сердцебиение.

Одно.

Ровное.

Тяжёлое.

Я подняла голову.

— Где второе?

Саэрд не ответил.

Мне показалось, что я ослышалась.

Я прижалась ладонью сильнее.

Раньше под его рёбрами всегда существовал ещё один ритм.

Глубокий.

Медленный.

Иногда он становился особенно сильным, когда Саэрд сердился или принимал драконью форму.

Теперь его не было.

— Саэрд?

Он осторожно убрал мою руку.

— Моё второе сердце держит разлом.

Я смотрела на него.

Несколько мгновений не могла связать услышанные слова.

— В каком смысле?

Саэрд вздохнул.

— Сердце Беззакатного — не совсем обычный орган. В нём заключён свет, который способен существовать между мирами. Пока дракон жив, этот свет принадлежит ему. Но при определённых условиях его можно использовать как опору для старой печати.

Я медленно покачала головой.

— То есть ты…

— Я связал сердце с границей. Оно стало частью удерживающего круга.

— Когда?

Он молчал.

— Саэрд, когда?

— За несколько недель до последнего дня.

Я почувствовала, как у меня холодеют пальцы.

— Ещё до нашей ссоры?

Он кивнул.

Я отодвинулась.

Саэрд потянулся ко мне, но остановился.

Я смотрела на него, пытаясь осмыслить услышанное.

Несколько недель.

Он несколько недель ходил домой.

Ужинал со мной.

Спал рядом.

Шутил.

Целовал.

Обсуждал наш будущий обряд.

И всё это время его сердце удерживало разлом между мирами.

— Ты знал, чем это закончится? — спросила я.

Голос прозвучал чужим.

Саэрд медленно покачал головой.

— Я надеялся найти другой способ.

— Но знал, что можешь умереть.

Он опустил взгляд.

— Да.

Я встала.

Беседка вдруг показалась тесной.

Слишком маленькой для той ярости, которая поднималась во мне.

— И ты ничего мне не сказал.

Саэрд тоже поднялся.

— Я пытался разобраться самостоятельно.

Я рассмеялась.

Громко.

Почти зло.

— Конечно. Как же иначе? Великий Саэрд Вейрх, последний дракон Беззакатного рода, способный самостоятельно решить любую проблему. Даже если для этого понадобится умереть!

Он сжал челюсти.

— Это было не так просто.

— О, не сомневаюсь! Особенно трудно, наверное, было каждый вечер смотреть мне в глаза и делать вид, что всё прекрасно!

— Я не делал вид.

— Тогда что ты делал? Берёг мои чувства? Защищал от неприятных новостей?

Он отвернулся.

Я подошла ближе.

— Мы собирались соединить судьбы, Саэрд. Ты понимаешь, что это означало для меня? Я была готова доверить тебе всю свою жизнь. А ты не доверил мне даже правду о собственной смерти.

Он резко посмотрел на меня.

— Я не собирался умирать!

Голос прозвучал так громко, что лепестки над беседкой вздрогнули.

Саэрд замер.

Потом устало провёл ладонью по лицу.

— Прости.

Я стояла напротив него.

Не могла перестать злиться.

И не могла перестать любить.

От этого хотелось кричать.

— Тогда расскажи, что произошло у перевала.

Он помолчал.

Потом медленно опустился на скамью.

Я осталась стоять.

— В последний день печать начала разрушаться быстрее, чем я рассчитывал, — сказал Саэрд. — Старые линии перестали держать. Свет уходил в разлом, но тот продолжал расширяться. Если бы он достиг горного склона, граница могла раскрыться сразу на несколько лиг.

Я попыталась представить.

Несколько лиг.

Целые деревни.

Города.

Люди, которые даже не подозревали, что под их ногами существует что-то подобное.

— Что случилось бы с ними?

Саэрд посмотрел на меня.

— Я не знаю точно. Возможно, они начали бы исчезать из собственного времени. Возможно, часть Межелесья оказалась бы среди живых. Никто не испытывал подобную печать на таком расстоянии от последней границы.

Я села рядом.

— И что ты сделал?

Он некоторое время молчал.

Потом ответил:

— Отдал печати всё, что мог.

Я закрыла глаза.

Мне не понравилось, как спокойно он это произнёс.

Будто рассказывал, что пожертвовал старым плащом.

— Ты сжёг собственное сердце?

— Не совсем.

— Тогда объясни.

Он посмотрел на свои руки.

— Когда дракон отдаёт свет сердца, тот отделяется от тела. Обычно это происходит после естественной смерти. У Беззакатных огонь ещё некоторое время способен существовать самостоятельно. Я попытался сделать это раньше.

— И?

Саэрд медленно выдохнул.

— Печать удержалась.

Я ждала продолжения.

Он молчал.

— А ты?

Саэрд посмотрел мне в глаза.

И я всё поняла.

Он не успел вернуться.

Не успел восстановить связь между сердцем и телом.

Печать осталась целой.

А его жизнь — нет.

Я почувствовала, как слёзы снова подступают к глазам.

Разозлилась на себя.

Почему я всё время плачу?

Раньше я могла спорить с Саэрдом часами, не пролив ни единой слезинки.

Теперь достаточно было посмотреть на него.

— Ты должен был рассказать мне, — прошептала я.

Он накрыл мою ладонь своей.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь. Если бы знал, не оставил бы меня одну.

Саэрд долго молчал.

Потом тихо сказал:

— Я думал, что вернусь.

Я посмотрела на него.

В его глазах не было привычной уверенности.

Только усталость.

И какая-то совершенно человеческая растерянность.

— Я действительно думал, что справлюсь, Иврея. У меня было достаточно сил, чтобы удержать печать. Я проверял расчёты, искал другие способы. Мне казалось, что ещё немного — и я найду решение. А потом разлом начал расширяться, времени почти не осталось, и пришлось выбирать.

Я сжала его руку.

— Ты мог хотя бы попрощаться.

Он опустил голову.

— Мог.

— Почему не попрощался?

Несколько мгновений Саэрд смотрел на наши переплетённые пальцы.

Потом ответил:

— Потому что тогда я действительно признал бы, что могу не вернуться.

У меня защипало глаза.

Он продолжал:

— Я знал, как ты посмотришь на меня. Ты начнёшь искать другой выход, откажешься отпускать, потребуешь взять тебя с собой. И я… Я не был уверен, что сумею уйти, если ты попросишь остаться.

Я почувствовала, как по щеке скатилась слеза.

Саэрд осторожно вытер её большим пальцем.

— Это было трусостью с моей стороны.

Я покачала головой.

— Ты не трус.

— Перед врагами — нет. Перед тобой иногда оказывался.

Я всхлипнула.

Он попытался улыбнуться.

— Особенно когда ты принималась объяснять, почему я неправильно храню травы или опять купил ненужную вещь.

Я рассмеялась сквозь слёзы.

Совсем коротко.

Потом обняла его.

Саэрд прижал меня к себе.

Я чувствовала его дыхание.

Тепло рук.

И то единственное сердцебиение, которое осталось в его груди.

— Я так злюсь на тебя, — призналась я.

Он погладил меня по волосам.

— Знаю.

— Иногда мне хочется хорошенько тебя стукнуть.

— Это тоже не новость.

Я подняла голову.

— Но больше всего я хочу, чтобы ты вернулся.

Саэрд посмотрел на меня.

И в его глазах появилось что-то такое, от чего мне захотелось немедленно забрать свои слова.

Не потому, что я их не имела в виду.

Просто он выглядел совершенно беспомощным.

Впервые за все годы нашего знакомства.

Мужчина, который мог одним взмахом крыльев поднять вихрь над горами.

Который не боялся ни королей, ни древних чар.

Не мог исполнить мою единственную просьбу.

Он наклонился и поцеловал меня в лоб.

— Я бы очень хотел.

Я закрыла глаза.

Прижалась к нему сильнее.

И некоторое время мы просто сидели в беседке.

Лепестки роз медленно плыли мимо открытых окон.

Трава шелестела.

Золотистое небо оставалось неподвижным.

Наконец я отстранилась.

Вытерла лицо рукавом.

— Ладно.

Саэрд посмотрел на меня с осторожностью.

— Что «ладно»?

— Теперь я хотя бы знаю, что произошло.

Он ничего не сказал.

Я взяла его за руку.

— И знаю, что удерживает тебя здесь.

Саэрд напрягся.

Я заметила.

Разумеется, заметила.

— Твоё сердце осталось частью печати, — продолжила я. — А значит, пока оно удерживает разлом, ты не можешь пересечь границу.

Он медленно кивнул.

— Примерно так.

— Тогда нужно найти способ заменить его.

Саэрд закрыл глаза.

— Иврея.

— Что?

— Не начинай.

Я нахмурилась.

— Я ещё ничего не начала.

— Я хорошо тебя знаю.

— Тогда должен понимать, что я не остановлюсь только потому, что ты попросил.

Он открыл глаза.

Некоторое время смотрел на меня.

Потом сказал:

— Ты не представляешь, сколько стоит такая замена.

Я почувствовала неприятное беспокойство.

— Сколько?

Саэрд отвёл взгляд.

— Слишком много.

Я подалась вперёд.

— Назови цену.

Он покачал головой.

— Нет.

— Саэрд!

Он резко встал.

Отошёл к перилам беседки.

Я смотрела ему в спину.

Сильную.

Знакомую.

Вдруг стало ужасно обидно.

Мы только что пережили разговор, которого не успели провести при жизни.

Он признался, что скрывал от меня правду.

Я рассказала, как больно мне было оставаться одной.

Мы наконец начали понимать друг друга.

И вот снова.

Он уходил от ответа.

Я поднялась.

Подошла к нему.

— Ты опять решил, что мне лучше ничего не знать?

Саэрд обернулся.

— Я решил, что не хочу смотреть, как ты губишь себя ради моего возвращения.

— А ты ради меня не стал бы пытаться?

Он открыл рот.

Потом закрыл.

Я горько усмехнулась.

— Вот именно.

— Иврея, это другое.

— Конечно, другое. Когда ты рискуешь собой, это называется долгом. Когда я пытаюсь помочь тебе — безрассудством.

Он сжал перила.

— Ты живая.

— И что?

— У тебя впереди целая жизнь.

Я посмотрела на него.

Потом на бесконечное поле.

На лепестки, которые никогда не опадали.

На небо, где не наступало утро.

— Ты говоришь об этой жизни так, будто она принадлежит кому-то другому.

Саэрд медленно разжал пальцы.

Я подошла ближе.

— Ты ведь был в ней, Саэрд. Во всех моих планах. Во всех глупых мелочах. Даже когда я представляла собственную старость, ты почему-то всегда сидел рядом и жаловался, что я опять плохо оделась по погоде.

Он попытался улыбнуться.

Но не смог.

Я продолжала:

— Я не хочу искать другого мужчину. Не хочу слушать, как люди объясняют мне, что со временем станет легче. Не хочу привыкать к пустой кровати. Возможно, когда-нибудь это изменится. Но сейчас я люблю тебя, и мне нужен ты. Пожалуйста, хотя бы не запрещай мне пытаться.

Саэрд смотрел на меня долго.

Потом медленно поднял руку.

Коснулся моей щеки.

— Ты знаешь, чего я боюсь больше всего?

Я покачала головой.

Он погладил большим пальцем мою кожу.

— Что однажды ты потратишь на меня всё, что у тебя есть. А я всё равно не сумею вернуться.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

Он говорил спокойно.

Без красивых обещаний.

И именно поэтому слова показались особенно страшными.

— Тогда будем искать другой способ, — прошептала я.

Саэрд опустил голову.

Наши лбы соприкоснулись.

— Ах, Иврея…

Я закрыла глаза.

Его руки осторожно обняли меня за талию.

Я прижалась ближе.

Хотелось забыть обо всём.

О разломе.

О Межелесье.

О том, что он мёртв, а я всего лишь сплю в нашей пустой спальне.

Хотелось остаться в этой беседке.

Слушать его дыхание.

Целовать.

Разговаривать о пустяках.

Я подняла голову.

Саэрд коснулся моей щеки тыльной стороной пальцев.

А потом поцеловал.

Медленно.

С какой-то непривычной осторожностью.

Я обняла его за шею.

Прижалась к нему всем телом.

Он на мгновение крепче сжал мои бёдра, словно забыл, что должен быть сдержанным.

Я почувствовала знакомое тепло его ладоней.

Саэрд всегда целовал меня так, будто у нас впереди бесконечно много времени.

Теперь каждый поцелуй казался слишком коротким.

Я провела пальцами по его волосам.

Он тихо выдохнул.

Уткнулся лицом мне в шею.

Некоторое время мы стояли, обнявшись.

Потом Саэрд едва заметно усмехнулся.

— Ты опять пахнешь лавандой.

Я улыбнулась.

— А ты опять недоволен?
— Я просто помню, как однажды проснулся с лепестками лаванды даже в сапогах.
— Это потому, что ты оставил их возле моей сушилки.
— Иврея, ты развесила травы по всему дому.
— Зато моль перестала есть твои рубашки.
— Потому что ей негде было приземлиться.
Я засмеялась.
По-настоящему.
Так, как не смеялась с его смерти.
Саэрд смотрел на меня.
Улыбался.
Потом вдруг стал серьёзным.
Провёл пальцами по моей щеке.
— Вот так лучше.
Я нахмурилась.
— Как?
— Когда ты смеёшься.
Сердце болезненно сжалось.
Я обняла его крепче.
— Тогда возвращайся и смеши меня сам.
Он не ответил.
Только поцеловал в висок.
Мы ещё долго разговаривали.
Я расспрашивала о Межелесье.
О дорогах.
О том, видел ли он здесь других людей.
Саэрд рассказал, что иногда замечал вдали незнакомые фигуры.
Они проходили через поле и исчезали за горизонтом.
Некоторые смотрели на него.
Другие не замечали.
Но ни один не задерживался надолго.
— А ты? — спросила я. — Почему остаёшься здесь?
Он посмотрел на меня.
— Потому что моя дорога не закончена.
Я вспомнила слова из старого трактата.
«Иногда этот огонь удерживает то, что должно быть разделено».
— Ты связан с разломом даже здесь?
Он кивнул.
— Пока моё сердце держит печать, я не могу уйти дальше.
Я задумалась.
— Значит, ты не совсем умер?
Саэрд чуть улыбнулся.
— Боюсь, для нашего старого лекаря этого было бы недостаточно.
— Не шути.
— Я и не шучу.
Он взял мою руку.
Положил её себе на грудь.
Я снова услышала одинокое сердцебиение.

— Какая-то часть меня остаётся здесь, Иврея. Но это не та жизнь, которую ты помнишь. Я не могу выйти за пределы Межелесья. Не могу вернуться в тело, которого больше нет. И не знаю, сколько ещё смогу удерживать собственные воспоминания.

Я подняла голову.

— Воспоминания?

Он словно пожалел о сказанном.

Но было поздно.

— Что с ними?

Саэрд помолчал.

— Здесь всё постепенно меняется.

— Что именно?

Он посмотрел на наши руки.

— Иногда я просыпаюсь и не сразу понимаю, сколько времени прошло. Иногда вспоминаю наш дом так отчётливо, что почти слышу дождь по крыше. А иногда не могу вспомнить, какого цвета были ставни.

Я почувствовала, как меня охватывает тревога.

— Они были зелёные.

Он улыбнулся.

— Знаю.

— Ты только что сказал…

— Сейчас знаю.

Я смотрела на него.

Он продолжил:

— Иногда воспоминания возвращаются. Иногда исчезают на какое-то время. Мне трудно объяснить.

Я сжала его пальцы.

— Ты помнишь меня?

Саэрд поднял голову.

Посмотрел мне прямо в глаза.

— Сейчас — да.

Мне не понравилось это слово.

Снова.

Сейчас.

Я отвернулась, чтобы он не увидел новых слёз.

Но он, разумеется, увидел.

Притянул меня к себе.

Погладил по волосам.

— Иврея, я очень хорошо помню тебя.

Я всхлипнула.

— Тогда расскажи что-нибудь.

Он немного отстранился.

— Что именно?

— Что-нибудь обо мне. Только не красивое. Настоящее.

Саэрд задумался.

Потом улыбнулся.

— Ты ужасно сердилось, когда я ел мёд прямо из банки.

Я фыркнула.

— Потому что ты оставлял ложку внутри!

— И ещё ты всегда обещала выбросить мои сапоги, если я снова принесу в дом грязь.

— И обязательно выброшу, если вернёшься.

— А однажды ты целый вечер утверждала, что не ревнуешь меня к торговке пряностями, хотя та всего лишь спросила, какие специи я предпочитаю.

Я возмущённо подняла голову.

— Она спросила, люблю ли я острое, и предложила показать тебе свои особенные смеси!

Саэрд рассмеялся.

— Я до сих пор считаю, что она говорила о специях.

— Разумеется. А ты тогда совершенно случайно купил у неё пять мешочков корицы.

Он обнял меня крепче.

— И потом полгода пил её с чаем, потому что моя ведьма отказывалась использовать корицу в выпечке из принципа.

Я не выдержала.

Рассмеялась.

И одновременно заплакала.

Саэрд поцеловал меня в лоб.

— Видишь? Пока всё помню.

Я прижалась к его груди.

Слушала единственное сердце.

Думала о том, что где-то далеко, за пределами этого прекрасного поля, существует мир, который продолжает жить без нас.

И впервые по-настоящему испугалась.

Не того, что он никогда не вернётся.

А того, что однажды я приду сюда, он посмотрит на меня и не узнает.

Я подняла голову.

— Саэрд.

Он погладил меня по щеке.

— Что, любимая?

— Обещай, что не забудешь меня.

Он замер.

Долго смотрел на меня.

Потом осторожно поцеловал мои пальцы.

— Я буду стараться.

Я закрыла глаза.

Мне хотелось услышать другое.

Уверенное обещание.

Как раньше.

Когда он смеялся, обнимал меня и говорил, что у драконов превосходная память.

Но сейчас Саэрд впервые не стал обещать того, в чём не был уверен.

И я поняла, насколько сильно всё изменилось.

Когда поле начало исчезать, я почти не испугалась.

Сначала серебряная трава возле ног стала прозрачной.

Потом лепестки замедлили движение.

Беседка постепенно растворилась в мягком золотистом свете.

Саэрд обнял меня.

— Пора.

Я прижалась к нему.

— Ещё немного.

Он улыбнулся.

— Ты просила то же самое вчера.

— И завтра попрошу.

Улыбка исчезла.

— Иврея…

Я подняла голову.

— Даже не начинай.

Он тяжело вздохнул.

Потом поцеловал меня.

Долго.

Нежно.

С такой отчаянной бережностью, что я едва выдержала.

Я обняла его за шею.

Старалась запомнить всё.

Тепло кожи.

Знакомый запах.

Тихое дыхание.

И то, как его пальцы на мгновение задержались у меня на талии.

Потом мои руки начали исчезать.

Саэрд отстранился.

Посмотрел на меня с болью.

— Пожалуйста, береги себя.

Я кивнула.

— А ты не забывай меня.

Он попытался улыбнуться.

— Постараюсь.

Я почувствовала, как сон ускользает.

Поле отдалялось.

Небо становилось светлее.

Саэрд всё ещё держал меня за руку.

А потом его пальцы исчезли из моей ладони.

Последним я услышала его голос:

— Иврея, я люблю тебя.

Я хотела ответить.

Но проснулась.

За окном шёл дождь.

Настоящий.

Осенний.

Он тихо стучал по крыше, стекал по подоконнику и наполнял спальню прохладным запахом мокрого дерева.

Я лежала неподвижно.

Смотрела на пустую половину кровати.

И пыталась удержать его голос.

«Иврея, я люблю тебя».

Я повторила слова про себя.

Потом ещё раз.

И вдруг заплакала.

Тихо.

Почти беззвучно.

Я так давно мечтала снова услышать это признание.

Но теперь оно причиняло ещё больше боли.

Потому что Саэрд помнил меня.

Любил.

Скучал.

И всё равно не мог вернуться.

Я повернулась на бок.

Протянула руку к его подушке.

Прижала её к груди.

Некоторое время просто лежала, слушая дождь.

Потом села.

Вытерла лицо.

И потянулась за бумагой.

Я записала всё, что успела узнать.

О разломе.

О солнечном сердце.

О том, что Саэрд связан с печатью и не может вернуться самостоятельно.

О воспоминаниях, которые постепенно ускользают в Межелесье.

Последний пункт я подчеркнула несколько раз.

Потом добавила:

«Нужно найти способ заменить сердце в печати. Узнать, существует ли магия, способная вернуть утраченное тело. И выяснить, почему Межелесье удерживает память мёртвых».

Я долго смотрела на написанное.

Потом поднялась с кровати.

Подошла к окну.

Дождь постепенно стихал.

За крышами домов медленно поднималось солнце.

Где-то далеко, за горами, находился восточный перевал.

Место, где Саэрд отдал свою жизнь, чтобы удержать разлом.

Я никогда раньше не видела его.

Теперь собиралась изучить всё, что с ним связано.

А ещё мне нужен был Варшэн.

Старик явно знал о холсте гораздо больше, чем рассказал.

И если для возвращения Саэрда действительно требовалось найти его истинное имя, я намеревалась выяснить, как его написать.

Я вернулась к рабочему столу.

На холсте продолжала мерцать золотая чешуя.

Отпечаток мужской ладони оставался в центре.

Я осторожно коснулась его кончиками пальцев.

— Ты только держись, любимый, — прошептала я. — Я обязательно что-нибудь придумаю.

Краска едва заметно дрогнула.

Я улыбнулась.

Потом открыла книгу Варшэна на первой странице и принялась читать заново.

На этот раз внимательно.

Не пропуская ни одного слова.

Потому что я больше не могла позволить себе роскошь ошибаться.

И потому что где-то в Межелесье, среди серебряной травы и вечных розовых лепестков, меня ждал мужчина, которого я любила.

Пусть даже сам он отчаянно пытался убедить меня перестать его искать.

Глава 5

На четвёртый день я обнаружила, что у нас с Саэрдом осталось всего шесть золотых.

Седьмой я потратила на свежий хлеб, сыр, два яблока и маленькую баночку вишнёвого варенья. Последнее купила совершенно бессмысленно, потому что с самого утра ничего сладкого не хотелось.

Но Саэрд терпеть не мог, когда я пропускала завтрак.

И теперь, стоило мне потянуться за очередной книгой вместо еды, как в голове немедленно раздавался его недовольный голос.

«Иврея, ты собираешься питаться чернилами? Тогда хотя бы добавь к ним немного масла. Может, желудок выдержит».

Я сердито захлопнула шкаф.

— Даже после смерти умудряешься командовать.

Поставила на стол тарелку, отрезала хлеба и намазала его вареньем.

Потом по привычке потянулась за второй тарелкой и остановилась, посмотрела на пустой стул напротив.

В нашем доме было много вещей, которые я никак не могла заставить себя изменить. Его сапоги по-прежнему стояли возле двери, серый плащ висел на крючке, а большая глиняная кружка занимала привычное место на полке.

Я всё ещё покупала слишком много еды, готовила столько супа, будто вечером вернётся голодный дракон.

Оставляла свободной половину кровати, хотя прекрасно знала, что никто не собирается её занимать.

Вчера поймала себя на том, что рассказываю Саэрду о соседке Эльвир, которая опять поссорилась с торговцем цветами.

Рассказала всё, даже изобразила голос старухи и только после этого заметила, что разговариваю с пустой комнатой.

Я тогда разозлилась на себя настолько, что едва не выбросила чашку в окно, а потом села на пол и расплакалась.

Теперь же, глядя на вторую тарелку, я почувствовала знакомую тяжесть в груди.

— Ты обещал вернуться, — сказала я.

Слова прозвучали слишком тихо. Поставила тарелку обратно.

— Я всё ещё злюсь на тебя, между прочим.

Разумеется, никто не ответил. Я съела хлеб, запила его чаем и решила, что на сегодня выполнила достаточно требований покойного дракона к здоровому образу жизни.

Оставалось разобраться с куда более сложной задачей. Вернуть его домой.

***

К мастерской Варшэна я отправилась сразу после завтрака.

На улице стояла прохладная осенняя погода. Накануне прошёл дождь, и между булыжниками ещё поблёскивали лужицы. Торговцы раскладывали товары, пекари выставляли корзины с горячим хлебом, а возле цветочной лавки спорили две женщины.

Одна утверждала, что серебристые астры следует высаживать только при убывающей луне, другая называла это полной чепухой.

Я прошла мимо, спрятав руки в рукава плаща.

Раньше мы часто гуляли здесь вдвоём, Саэрд любил городские рынки.

Не потому, что ему нравилось покупать вещи, просто он обожал наблюдать за людьми, особенно за тем, как они торговались. Однажды он почти полчаса стоял возле прилавка с тканями, слушая спор портнихи и пожилого торговца. Потом заявил, что человеческая цивилиза-

ция достигла удивительных высот, если люди готовы так ожесточённо сражаться за стоимость нескольких локтей синего шёлка. Через десять минут сам начал торговаться за кожаный ремень и торговался ещё дольше.

Я тогда так смеялась, что продавец сбросил цену просто ради того, чтобы мы наконец ушли.

Теперь, проходя мимо знакомых лавок, я старалась не смотреть по сторонам, любое место могло внезапно напомнить о нём.

Иногда казалось, что весь город договорился издеваться надо мной.

Вот кондитерская, где Саэрд однажды купил мне огромный пирог и недалеко мост, на котором мы впервые серьёзно поссорились, а дальше находилась лавка мастера, изготовившего наши будущие браслеты для обряда соединения судеб.

Я остановилась.

Небольшая вывеска с изображением переплетённых ветвей покачивалась над дверью, в витрине лежали серебряные кольца, цепочки и тонкие браслеты, наших среди них не было, наверное, мастер уже закончил работу.

Я должна была забрать их несколько недель назад, но так и не пришла, не смогла, потому что не знала, что делать с двумя браслетами, если надеть их предстояло только одному человеку. Отвернулась, пошла дальше и всё-таки через несколько шагов остановилась снова.

— Ну уж нет, — пробормотала я.

Саэрд однажды сказал, что я обязательно доведу себя до полного истощения, если продолжу спорить с собственной головой, пожалуй, он был прав, но сегодня у меня имелись причины.

Я вернулась к лавке, потянула за ручку двери, колокольчик звякнул, за прилавком сидел невысокий седой мужчина в круглых очках.

Он поднял голову.

— Госпожа Нэрвис?

Я кивнула.

Мастер посмотрел на меня с осторожностью, так на меня смотрели все, кто знал о гибели Саэрда, словно я могла рассыпаться от любого неосторожного слова.

— Ваш заказ готов, — тихо сказал он. — Я хотел отправить мальчика с запиской, но подумал, что…

— Покажите.

Он замолчал, потом достал из нижнего ящика небольшую шкатулку, поставил передо мной.

Я открыла крышку, внутри лежали два браслета.

Один широкий, тёмно-серебряный, с тонкими золотыми прожилками.

Другой — узкий, из светлого металла, с маленькой веточкой розмарина, выгравированной вдоль края.

Саэрд сам выбрал рисунок, сказал, что розмарин означает верность памяти. Я тогда засмеялась.

— Неужели опасаешься, что забуду тебя?

Он ответил, что скорее боится обратного, что я буду помнить каждую его глупость и непременно припоминать её через сто лет.

Я осторожно коснулась узкого браслета, металл оказался прохладным.

— Они красивые, — сказала я.

Мастер кивнул.

— Господин Вейрх очень тщательно выбирал узор. Трижды приходил, чтобы изменить рисунок.

Я подняла глаза.

— Трижды?

— Да. Сначала хотел сделать обычные драконьи руны. Потом решил, что они слишком грубые. А в последний раз попросил добавить веточку розмарина. Сказал, что у вашей семьи это растение что-то означает.

Розмарин рос возле нашего первого дома, Саэрд однажды посадил его сам, потому что мне ужасно хотелось небольшой садик, а прежний хозяин усадьбы запрещал перекапывать землю возле окон. Мы тайком высадили несколько кустиков за беседкой и каждую весну Саэрд притворялся удивлённым, когда я радовалась первым зелёным побегам.

— Сколько я должна? — спросила я.

Мастер назвал сумму, я достала кошелёк, отдала почти все оставшиеся деньги. Он попытался возразить, сказал, что господин Вейрх уже внёс большую часть платы и можно рассчитаться позже, но я настояла.

Забрала шкатулку и вышла на улицу.

Теперь у меня осталось две золотые монеты и несколько серебряных.

Замечательно.

Если Варшэн снова потребует баснословную сумму, придётся предложить ему оплату собственным скверным характером. Его, к счастью, у меня было с избытком.

Погребальная мастерская стояла на окраине города, где каменные дома постепенно уступали место деревянным постройкам, а узкие улицы переходили в старые садовые дорожки. Несмотря на название, ничего пугающего в ней не было.

Невысокий дом с голубыми ставнями, увитый плющом, небольшой палисадник и деревянная вывеска, на которой золотыми буквами значилось:

«Мастерская оставшихся следов. Варшэн. Живописная магия, восстановление воспоминаний, сохранение семейных историй».

Под вывеской висела маленькая табличка: «Возврат утраченного не гарантируется».

Я остановилась перед дверью.

— Очень обнадёживает.

Постучала. Никто не открыл. Постучала ещё раз. Изнутри послышалось недовольное:

— Если вы пришли продавать свечи, я уже говорил вашему мальчишке, что предпочитаю темноту!

— А если пришла женщина, которой вы продали чрезвычайно дорогую тряпку?

За дверью что-то звякнуло, потом раздался скрип шагов, замок щёлкнул.

Дверь распахнулась, на пороге стоял Варшэн. Высокий, худой, с длинными седыми волосами, собранными в небрежный хвост. На носу сидели очки с толстыми стёклами, совершенно бесполезные для его незрячих глаз.

Одет он был в тёмно-зелёный домашний халат, украшенный серебристой вышивкой. От него пахло сушёными яблоками и древесной смолой.

— Ведьма, — произнёс он.

— Старик.

— Я надеялся, что больше тебя не увижу.

— Взаимно. Но обстоятельства вынуждают.

Он отступил, пропуская меня внутрь.

— Проходи. Только ничего не трогай.

Я вошла. Мастерская была гораздо больше, чем выглядела снаружи. Высокие стеллажи поднимались до самого потолка. На полках стояли стеклянные флаконы, коробочки, свёрнутые холсты и маленькие фарфоровые сосуды. С потолочных балок свисали связки трав, серебряные ленты и тонкие нити, которые медленно двигались, хотя окна были закрыты.

На длинном столе стояли десятки красок. Некоторые переливались золотом. Другие напоминали кусочки вечернего неба. Третьи были почти прозрачными, но внутри них медленно двигались крошечные искры.

В углу находился большой станок. На нём был натянут незаконченный холст. Его поверхность мягко светилась, словно в ткань вплели лунный свет.

Я невольно задержалась возле него.

— Вы сами делаете холсты?

— А ты думала, мне их приносят добрые феи?

— Учитывая ваши цены, скорее королевская казна.

Варшэн усмехнулся, потом нащупал спинку кресла и сел.

— Ну, рассказывай.

Я осталась стоять.

— Что именно?

— Как тебе удалось открыть дорогу.

Я замерла.

— Откуда вы знаете?

Он повернул голову в мою сторону.

— Холст был создан моими руками, девочка. Если бы он остался обычной тканью, я бы ничего не почувствовал.

Я медленно подошла ближе.

— Значит, вы знали, что он сработает?

— Я знал, что он способен откликнуться.

— Вы сказали, что мёртвый найдёт дорогу домой.

Варшэн вздохнул.

— Я сказал, что холст может показать путь к тому, кто ушёл. Это разные вещи.

— Очень удобно уточнять условия после оплаты.

Старик не обиделся, только протянул руку к столу, нащупал чайник и налил себе чаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.